18+

С. Д. ДОБРУНОВ

Откуда приходят люди в этот мир?

С. Д. Добрунов

Откуда приходят люди в этот мир?

«Издательские решения»

Добрунов С. Д.

Откуда приходят люди в этот мир? / С. Д. Добрунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749068-3

О чем эта книга? Конечно, о любви! О любви как самом главном проявлении человеческого сознания. Любовь к женщине. Любовь к Родине. Любовь к детям. Любовь к животным. Любовь к Богу. Любовь к жизни. Герои этих рассказов познают смысл жизни, стремятся найти её цель. Наслаждаются её вкусом. А вкус жизни — на губах у женщины, на острие клинка, в прицеле пулемёта, во встречах с родными после разлуки, в понимании Бога, победе над смертью. По каким законам мы живём?«Я Люблю — и, значит, я живу». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749068-3

© Добрунов С. Д.
© Издательские решения

Содержание

Вкус сока манго 6
Глеб Сергеевич 6
Катя 7
Глеб 10
Глеб 11
Катя 13
Глеб 14
Вкус сока манго 15
Глеб Сергеевич 17
Катя и Глеб 18
Катя и Глеб 22
Настя 25
Глеб и Катя 33
Катя 36
Катя 37
Катя, Настя, Глеб и платье 39
Катя 43
Глеб 45
Катя 47
Катя 49
Антон 50
Глеб 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Откуда приходят люди в этот мир?
С. Д. Добрунов

© С. Д. Добрунов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вкус сока манго

Глеб Сергеевич

Осенний вечер опускался на город. Большое черное небо полное снега и дождя навалилось на улицы, проникало в дома. Загорелся свет в окнах, включились фонари. Легкий первый мороз подсушил дороги, покрыл инеем крыши и ещё кое-где зелёные листья. Машины фарами искали себе путь между домов. В магазинах толпился народ, запасаясь провизией к ужину.

Глеб Сергеевич Данилов вышел из офиса, застегивая на ходу молнию своей модной куртки. И направился к машине. Рабочий день закончился, дома ждали жена, тепло, уют и отдых. К своим пятидесяти пяти годам он сделал уже многое: карьера, деньги, положение, влияние, семья, дети… В машине на панели под лобовым стеклом лежала бумажка со списком продуктов – жена просила купить вечером. Глеб поехал в супермаркет. Долго искал место для стоянки и, наконец, оставив машину, вошел в раздвижные двери магазина.

Толкая перед собою тележку, раскрыл список: колбаса, сыр, хлеб, мандарины, творог, виноградный сок.

«Где же здесь соки?» – он стал маневрировать между стойками, отыскивая нужную и, найдя полку с пакетами соков, стал выбирать: виноградный, мандариновый, апельсиновый, сок с мякотью МАНГО! Он застыл, вдруг, уставившись на длинный пакет с буквой Я и изображением красного плода на коробке. «„Сок манго“», раньше он был редкостью и продавался в больших трехлитровых банках, закатанных железной крышкой. А вкус! Тогда для Глеба это был вкус Индии и любви! А попробовать его в первый раз дала ему она, Катя. Как давно это было!

Шел 1980 год. Тогда была ранняя весна, середина марта. Он, Глеб, молодой спортивный парень, инженер с Сельмаша, возвращался домой в свою малосемейную квартиру через заснеженный и пустынный парк. Пробираясь по плохо протоптанной в снегу дорожке в боковой аллее, он решил выйти на главную, хорошо освещенную и, видно, очищенную от снега аллею. Выбравшись на свет, увидел, что со стороны главного входа, справа, вдалеке, в парк входит, вернее, вбирается девушка и тащит, да в прямом смысле, тащит по снегу огромную сумку. «Жаль, что далеко очень – подумал Глеб, – можно бы и помочь даме». И, повернув, налево, он быстро зашагал по очищенной дороге. В следующей боковой аллее он обратил внимание на двух парней, стоявших в полумраке у скамейки по колено в снегу и наскоро выпивавших из большой бутылки вино прямо из горлышка. Они громко о чем-то говорили и дымили сигаретами с противным запахом. «„Вот придурки, алкаши“» – подумал Глеб, шагая дальше…

Стоя сейчас у полки с соками, Глеб Сергеевич вдруг понял, что тогда, выходя на большую аллею парка, он ещё и представления не имел, что выходит на главную дорогу своей жизни… Не будь снега, будь лучше прочищены боковые дорожки парка, и жизнь его сложилась бы иначе. А а тогда, шагая быстро и уверенно, глубоко вдыхая морозный свежий воздух и наблюдая, как в свете фонарей летят тысячи снежинок, блистая и переливаясь в воздухе, медленно падают на землю, он радовался отступающей зиме, молодости, жизни.

Катя

Тогда, в 1980 году, она училась на четвёртом курсе пединститута. Родителей у неё не было, они еще в далеком Катином детстве погибли в аварии, и маленькая Катя вместе со старшей сестрой жила с бабушкой в станице Вешенской. Поступив в Ростов в институт, домой ездила часто и с удовольствием. Не было уже и бабушки, и никого кроме сестры и ее семьи у Кати не осталось. И Настя, её сестра, и Олег, Настин муж, и двое близнецов, Костя и Сергей, любили Катю и всегда радовались её приезду. Каждый её визит был праздником, событием в жизни этой молодой и счастливой семьи. Вот и тогда, в тот мартовский день, они вместе с Олегом дотащили тяжелую сумку, наполненную продуктами для студентки недели на две, до автобуса в Вешенской, а в Ростове Катю должна была встретить подружка, с которой жили в одной комнате в общежитии и учились на одном курсе. Но добравшись до Ростова, Катя с ужасом поняла, что подружка эта, Танька, на вокзал не явилась и, прождав минут двадцать, сама потащила сумку. Вот так и оказалась она со своей неподъемной ношей на большой аллее парка. Стараясь срезать дорогу до общежития и облегчить свою участь, надрываясь и проклиная все на свете, волочила сумку по мокрому снегу. Было уже темно, но чувствовалось, что над городом висит тяжелое темное облако, которое сыплет на землю мелкий снег и придавливает её легким морозом, отчего сумка легко скользит по замерзающей дороге. Она тоже обратила внимание на двух мужиков, пьющих вино в боковой аллее, и побыстрее пошла дальше.

Но тут кто-то положил ей руку на плечо:

– Эй, подруга, давай помогу, – на неё смотрели маленькие пьяные глаза, и свежий воздух наполнился запахом перегара и страха.

– Спасибо, я сама, – испуганно отстранилась Катя, но огромная рука другого пьянчуги уже схватилась за ручку сумки.

– Тебе же говорят, поможем, только нам в другую сторону, – тот, с огромными руками, потащил сумку к себе.

– Тебе сумка, мне девка, – засмеялся толстяк с маленькими глазами и быстро обхватив Катю за шею, стал пытаться ее поцеловать. Но она дернулась, скорее от испуга и, подскользнувшись ударила обидчика сапогом по голени. Они оба упали, и толстяк с маленькими глазами взвыл от боли, но почувствовав под собой Катю, стал прижиматься к ней вонючей и колючей щетиной. Катя больно ударилась затылком об лёд, аж в глазах потемнело, но она изо всех сил крутнулась на бок, вырвалась из рук пьянчуги и попыталась встать, но второй, с огромными руками, повалил её вновь, видно, забыв, что ему принадлежит только сумка. Тяжело дыша, извергая вонь перегара, он попытался опять перевернуть её на спину. Страх прошел, и дикая злоба нахлынула на Катю. Она изо всех сил ударила локтем обидчика по голове, вскочила и побежала, но толстяк догнал её тут же:

– Ты что, сука, делаешь, ты кого ударила, – он схватил её за воротник и врезал пощечину. Боль и стыд и еще большая злость вскипели в Кате одновременно, и она уже развернулась боком, чтобы и этому врезать локтем, но он вдруг сам отлетел в сторону. Молодой парень в легкой куртке появился, словно из-под земли, и с силой отшвырнул толстяка. В это время второй, с огромными руками, уже был на ногах и бросился, вернее, повис у парня на шее. Парень врезал ему в нос, и тот, падая, ухватился за рукав куртки парня и почти оторвал его. А первый, толстый с маленькими глазами, одновременно с падением сотоварища ударил парня в лицо, и из губы у того сразу потекла кровь. Взбешенный парень начал так молотить пьяных, что скоро они уже стонали на снегу. Катя все время бегала вокруг, хватая пьяниц за воротники и рукава, мешая им нападать на так вовремя появившегося спасителя.

– Атас, уходим, – заорал тот, у которого были маленькие глаза. Подымаясь, он пробуксовывал на скользком снегу и кинулся прочь. Второй получил хорошего пинка под зад,

отчего упал опять, но видя подельника, уносящего ноги, с еще большей прытью кинулся прочь. Тяжело дыша и все еще держа наготове полусогнутые руки, парень крикнул что-то грубое им в след и, успокоившись немного, повернулся к Кате… Коротко стриженый, с размазанной по лицу кровью и с рассеченной губой, он был хорош собой и даже красив.

– Я еле успел, увидел вон оттуда, – он показал пальцем вдаль аллеи. – С вами все в порядке?

Катя тоже ещё возбужденно дышала и лишь кивнула головой в ответ, но отдышавшись немного, добавила.

– У вас кровь на губе и рукав оторван. Парень махнул рукой и достал из кармана носовой платок, белый с синими полосками по краям, и приложил к разбитой губе.

– Лучше снегом. – Катя оглянулась по сторонам и увидев на газоне участок еще белого чистого снега, пошла прямо к нему, проваливаясь по колено в сугроб, нагребла в обе руки свежего, ещё переливавшегося кристаллами снега и быстро, ступая в ямы от своих же сапог, вернулась обратно.

– Вот чистый, чтобы не было заражения.

Парень взял комок снега, приложил к губе и повалился на скамейку. Было уже совсем темно, только свет старого фонаря отражался в летящих на землю снежинках. Катя подтащила к скамейке свою сумку. Вдали посередине парковой аллеи виднелась красная спортивная сумка с ручкой через плечо, неуклюже валявшаяся на снегу.

– Ваша? – спросила Катя, указывая в сторону сумки, парень кивнул. Катя принесла её, села рядом.

– Больно?

– Нет, вот сволочи, надо же, так подбили, как мальчишку!

– Ну, Вы дрались как лев. Спасибо большое.

– А, ладно, делов – то. Не нужно ходить по таким местам.

– Я часто здесь хожу, и потом сумка тяжелая.

– Это что намёк, чтобы и сумку ещё дотащил? – он улыбнулся мягко, явно шутя и не пытаясь даже обидеть Катю, но она смутилась.

– Глеб, – исправляясь, представился он, – отбил от бандитов, значит, и сумку отнесу. Куда прикажете?

– Да здесь рядом, я сама, – она тоже улыбнулась.

– А звать-то тебя как, потерпевшая?

– Катя, – она опустила глаза.

Глеб отбросил промокший кровью комок снега, приложил другой. На черной куртке заметна была белая подкладка там, где к ней пришит рукав.

– Ой! У меня же есть иголка и нитка, я сейчас пришью быстро, – она поднялась, вытащила из бокового кармана своей огромной сумки маленькую, такую как большой кошелёк, сумочку и, достав из неё иголку и черную нитку, подсела поближе к своему спасителю, – пока кровь остановится, рукав будет на месте. Вам повезло, лопнул по шву, потом можно на машинке, незаметно будет совсем, – она умело водила рукой с иголкой, и дыра уменьшалась на глазах. Глеб сидел вполоборота, послушно подставив плечо.

– Что ты заладила: «Вы да Вы» – что я, старый какой.

– Да нет, ещё не очень, – растерянно ответила она, и глаза их встретились, – вернее совсем еще не старый.

Они засмеялись, и Глеб тут же скривился от боли в губе, опять потекла кровь, и он придавил её снегом.

– Конечно, не старый, это ты сама старая, раз некому сумку поднести помочь.

– Танька обещала прийти на вокзал, а не пришла, – Катя продолжала шить, – там продукты, двухнедельный запас. А я там вон живу в общежитии педина, – она указала свободной рукой в сторону вереницы горящих окнами домов. – Почти дошла, да чуть не убили, – она представила весь кошмар случившегося и сжалась вся.

– Ну, ну, все уже позади, успокойся, – Глеб погладил её по голове как маленькую девочку, – так говоришь, Катей тебя зовут, красивое царское имя, а у меня вот некрасивое какое-то скользкое имя. Глеб. Мне не нравится.

– Почему? Нормальное имя, мне нравится, – она оторвала нитку: – Готово.

– Кто нравится? – спросил Глеб.

– Не кто, а что, имя нравится, оно не скользкое, а смелое. Спасибо ещё раз. – Она поднялась. – Ну я пошла!

– А как же сумка? – Глеб тоже поднялся со скамейки, накинул на плечо свою сумку и взял Катин баул.

– Ого, ты что, кирпичи ешь, что ли? – и из губы появилась опять капля крови.

– Стой, ещё рано, кровь течет, сядь, – Катя опять принесла ему чистого снега с центра клумбы, – подержи еще минуту.

На скамейке в стороне лежал платок, белый с синими полосками по краям. Она подняла его.

– Давай я выстираю его. Нужно в холодной воде, а потом в пергидроле. У Таньки есть.

– Как хочешь, можно и выбросить. А в общем, хочу. Конечно, хочу, чтобы ты этот платок выстирала. Буду носить как память о пропущенном ударе от пьяного придурка, – он замолчал на мгновение, – и как память о девушке по имени Катя… с двухнедельным запасом кирпичей.

Они сидели еще минут двадцать, непринужденно беседуя ни о чем и обо всем сразу. Потом он дотащил её сумку до общежития. Из окна второго этажа выглядывала возбужденная Танька и, увидев Катю, тут же выбежала на крыльцо.

– Прости, прости, прости, как есть проспала. Жду тебя и переживаю. Ой, а это кто? – она с интересом взглянула на Глеба.

– Глеб Сергеевич Данилов – носильщик с автовокзала, да вот от тяжести баула на повороте, наверное, задел за угол дома, – он указал на губу, – бывает, травма при исполнении служебных обязанностей, так сказать. Пока, до свидания, на чай все равно не пригласите, не впустят, – он указал на вывеску и прочел по слогам: «Вход по пропускам». И, главное, чаевые носильщикам в нашей стране запрещены, – и повернувшись, быстро ушел в ночную темноту.

Катя первым делом выстирала платок. Тщательно так, что следов крови и не осталось. Выгладила. И потом долго не могла заснуть в ту ночь…

Глеб

– Привет, – как старой знакомой, сказал он. Глеб полусидел, полулежал на старом диване в холле общежития напротив конторки дежурной. – Я за платком.

Катя была сильно удивлена, увидев его здесь сразу после занятий, но заметила, что одет он был чисто, в дорогой куртке, свежей рубашке, из-под рукава которой выглядывали дорогие часы; исходил от него и запах дорого одеколона.

– Ой, привет, сейчас вынесу, – она помчалась на второй этаж с такой легкостью, словно ей было пять лет. Платок лежал на столе у окна: белый с синими полосками по краям. Она взяла платок, повернулась и быстро пошла к двери, но вдруг остановилась и подошла к стене, к старому шкафу с большим зеркалом во весь рост. На неё взглянула знакомая фигура: не высокая и не маленькая, как и должно быть, не худая, а скорее тонкая: детские ещё бедра только начали округляться и превращаться в девичьи, грудь уже вовсю выделялась под рубашкой, лицо продолговатое мягко обрамлялось упругими и округлыми щечками, тонкие чувственные губки всегда чуть-чуть улыбаются, держа рот слегка приоткрытым, и через щелку всегда видны маленькие белые зубики, которые ровными рядами выстроились вдоль губ. Большие синие глаза со светлыми, правда, ресницами, еще не знавшими макияжа, высокий лоб скрывался под длинной непослушной челкой, сквозь которую проглядывала поперечная складка кожи, длинные каштановые волосы вились, извивались, закручивались от лопаток до груди, причудливо рассыпались по плечам, на голове слева между волосяных прядей выглядывало маленькое почти прозрачное ушко. Вот только одно – веснушки, рассыпанные по щекам, ровно тринадцать штук: шесть слева и семь справа, с самого детства смущали и вводили Катю в краску, как только она вспоминала о них. Но взрослея, она поняла, что именно этими веснушками и отличается, выделяется среди других девушек. Ведь каждая девушка, в первую очередь, и должна выделяться из всех.

Катя поправила челку и побежала вниз в холл к Глебу.

– Вот, – присаживаясь рядом на диван, протянула она платок, – как новый, и без пергидроли обошлось.

Глеб взял платок, а вместе с ним и Катину руку:

– У меня тут друг уехал на пару дней, оставил ключи от квартиры, пойдем пообщаемся… – он держал её за руку и смотрел в глаза.

Что-то холодное и злое, как у того пьяницы вчера, было в его взгяде, тот же страх, что и вчера ударил Кате в голову. Она отшатнулась, медленно высвобождая свою руку, та же вчерашняя злость овладела ей вновь.

Не зачем было спасать меня от насильников вчера, чтобы требовать в награду то же самое сегодня. Она резко поднялась, взглянула на него зло и ей захотелось также ударить его локтем, но вместо этого она быстро побежала наверх, но уже не как маленькая девочка, а тяжело, как облитая грязью старуха, упала на постель прямо в пальто и зарыдала…

Глеб

Глеб работал инженером на Сельмаше. Работал уже пять лет и почти два года назад поселился в малосемейной квартире; родом из Таганрога, он превосходно обжился в Ростове. Общительный от природы, быстро заводил друзей и поддерживал с ними постоянную связь. Учился он в институте хорошо и ещё тогда был душой любой компании, любил погулять. И многие женщины влюблялись в него быстро и быстро оказывались в его постели, но никогда не жалели о своих поступках и никогда не претендовали на большее. И это его вполне устраивало. Он привык к легким победам и о большем не думал. Сейчас его волновала работа. Увлеченный по натуре, он видел все недостатки и, порою, глупости в производстве и знал, как можно всё переделать и изменить. Думал об этом постоянно. Тот липовый план, который выполнялся в основном выпуском брака или неукомплектованной техники, бесил его; зарплата бракоделов была гораздо выше его собственной. Отношение к труду, в основном, наплевательское. Технику покупали в обязательном порядке тоже по плану, и никто ничего не хотел менять. Он говорил с главным инженером несколько раз о том, что при правильной постановке дела можно в двадцать раз улучшить качество, выгнать всех лодырей, а оставшимся платить в три-четыре раза больше. Но его не слушали, даже угрожали карой за антисоветские выступления. Но червоточина модернизаций и реконструкций, желание работать не за зарплату стабильную, но низкую, а за долю в конечном результате сидела в нем крепко. Поэтому продвижения по службе не было. В выделении отдельной квартиры ему тоже отказали. «Не женат, – сказал ему председатель профсоюза, – можешь пожить и в малосемейке». И поэтому, не находя удовлетворения в раскрытии своих способностей, живого и творческого дела, он усиленно занимался спортом и увлекался женщинами. Благо был у него друг, ещё со студенческих лет – Антон, сын третьего секретаря горкома партии, который, правда работал не на заводе, а в НИИ, и квартиру отдельную имел, однокомнатную, в большом девятиэтажном доме, имел и свою машину и вел образ жизни преуспевающего холостяка. Глеба любил, ценил его профессиональные взгляды и покорно поддавался его влиянию, а уж в такой мелочи, как ключи от квартиры, никогда не отказывал.

В тот день, когда Глеб отправлялся за своим носовым платком с ключами от Антоновой квартиры, сам Антон оставался в малосемейке на диване с пивом и астраханской воблой… и телевизором. Здесь ему и предстояло ночевать в эту ночь. Перед уходом Глеба он спросил его как бы в шутку:

– Кто на этот раз?

Глеб завязывал галстук у зеркала, но вдруг бросил это занятие и повернулся к другу:

– Не знаю, зовут Катя! Но она не такая как все. Вот это из-за неё, – он указал на кровяную корочку на губе. – Она отчаянно дралась с двумя насильниками, отчаянно. Она не глупенькая дурочка, а Леди. Я бы мог обойтись и своей конурой, но здесь другое дело, здесь нужен комфорт, даже роскошь. Но я её достану всё равно, за такое нужно платить, – он ещё раз ощупал припухшую губу и опять повернулся к зеркалу завязать, наконец, галстук.

– Брюнетка, блондинка? – спросил Антон, отпивая пиво.

– У неё веснушки на щеках и голубые глаза. Я у неё платок свой оставил в крови, теперь вот иду забирать, – он подкинул в руке ключи от квартиры. – Бывай.

А через час вернулся хмурый и злой.

– Черт бы все побрал, – он открыл бутылку пива и жадно выпил почти половину.

– Что, платок не успела выстирать? – съязвил Антон.

– Нет. Вот он. – Глеб бросил платок на стол, – обиделась и отшила меня так, что до сих пор уши горят. Я же говорил тебе: она не самка, она Леди, но с характером крутого мужика.

– Тогда брось и забудь. С серьезными девицами лучше не связываться. Если вчера она была не такая как все, а сегодня власть над тобой установить хочет, держись от неё подальше. Мало, что ли, хорошеньких дурочек? Вот таких и ищи и радуйся жизни. Коллекционируй! А такая тебе петлю на шею накинет быстро и будет вертеть твоей головой куда ей нужно, а нужно им всем в одно место – в ЗАГС, сам знаешь. Тебе сколько лет? Двадцать девять! Молод еще. Забудь. Живи и радуйся… вот пиво пей.

– В ЗАГС, говоришь? – Глеб задумался. Таким путём? Нет, я ей неприятен стал. Я схамил. Как обычно, без сентиментов намекнул, что мне нужно. Но номер не прошел. Хорошо. Мы пойдем другим путём. – Он посмотрел на Антона, полулежащего на диване, и умолк на полуслове, словно зародилась в его голове шальная мысль, столь секретная, что даже такому другу как Антон говорить нельзя.

– Ты что? Насилие? Вчера спас от него, а сегодня сам?

– Нет, я не об этом, потом скажу.

– Как знаешь. – Антон поднялся, – я пойду, не пустовать же квартире. Я-то сам спать не буду. Он стал одеваться: – может, покажешь как-нибудь Катю с веснушками и крутым характером?

– Непременно, – двузначно ответил Глеб. Он смотрел в окно и жадно курил. Мысли его были далеко….

Катя

Почти всю ночь она не спала и думала о том, как мог так поступить внезапно ворвавшийся в её жизнь добрый, здоровый, молодой, красивый парень? Как мог молодой человек, отбивший её у насильников и воров, оказаться хамом, а может, и подлецом. Что-то не увязывалось здесь. Он неожиданно издали увидел двух мужиков, бьющих женщину, и сразу бросился на помощь, даже сумку свою бросил по пути. Отчаянно вступил в схватку с двумя, победил, обратил их в бегство, правда, и сам пострадал… Но драться умеет! Что-то нехорошее сказал насчет того, что она хочет, чтобы он ещё и сумку донёс, но тут же исправился, проводил её домой, поднёс сумку, шутил и был весел, любезен, несмотря на разбитую губу, и не стал просить никаких наград вчера, а ведь вчера мог бы… Катя представила, как бы это он мог бы… А охамел только сегодня, упал до уровня вчерашних пьяниц. Или это ей только показалось? И не было ничего хамского в его словах? Что значит: «Пойдем пообщаемся?» Нет. Сам тон! В нем был тайный намек именно на определённое общение, на нехорошее общение какое-то, с позиции силы, даже без её желания. Катя давно уже знала, что между мужчиной и женщиной бывают вот такие общения особые, и в результате этих вот особых общений рождаются дети. Поступи он по-другому, как положено парню в мире людей, постепенно заведи дружбу, покажи то хорошее ухаживание, которого уже и так давно хотела Катя, и она, может быть, не стала бы противиться такому общению, ведь он так хорош собою… Нет. Это всё чушь, но ведь ей хочется, чтобы ИМ был именно такой, как он. Нет, скорее, хамство получилось у него случайно, против его желания сорвалось с языка, а сказать он хотел совсем другое. Но зачем тогда брал ключи у знакомого? Явно чтобы общаться. Неужели у неё вид дешевой потаскушки? Он, наверное, часто вот так общается с другими женщинами. Опытен. Ведь старше ее лет на восемь. Бабник! Ещё бы, такой красивый… наверное, они сами потоптом… Так она думала, спорила сама с собой до утра и, не решив ничего конкретно, не ответив даже на вопрос: «Кто он такой, этот Глеб?», то упрекала себя в том, что не спала и всю ночь думала о нем, то погружалась вновь в размышления. И лишь когда утро появилось в «в завесах темных окна», забылась тревожным сном.

Глеб

Говорят, что мужчины любят глазами, а женщины ушами. Но нет, наверное, женщины любят не только ушами, они любят в мужчине, в первую очередь, действия и поступки, поведение, его цели, его уверенность в себе. Они сразу понимают по его движениям, манерам, интонациям, насколько он самостоятельный человек и сможет ли вести женщину за собой по этой жизни и сможет ли она покорно следовать за ним. Ведь большинству, если не всем женщинам, нужен мужчина-лидер, защитник, опора, а она сама хочет лишь спокойно сидеть где-нибудь рядом и восторгаться им и покоряться ему! Говорят, что жизнь дана нам, чтобы просто прожить её. Прожить и все, испытав и радость, и счастье, и беду, и горе, проявив любовь, сострадание, ненависть, грубость, хамство, сделать в ней, в жизни, свой выбор и реализовать его. И пусть будет стыдно потом, что прожил не так, бесцельно, занимался не тем чем нужно было, но лучше сострадать о содеянном, чем сожалеть об упущенном. Это тоже жизненная истина. Именно затем и дана жизнь, чтобы ничего не пропустить, не прозевать в ней, чтобы воспользоваться всем, что она, эта жизнь, предоставляет нам. Тогда и будут годы, прожитые с целью. Японцы говорят: чтобы понять смысл жизни, узнать, в чем её цель, нужно сначала ощутить её вкус! Вот Глеб и жил так, чтобы ничего не упустить, не прозевать, чтобы не сожалеть об упущенном, испытывая вкус жизни каждый день.

Способный инженер, он прекрасно понимал, что существующий в стране способ производства не соответствует складывающимся производственным отношениям и что что-то нужно менять, и это что-то волновало его очень, занимало порою все его мысли и днём, и ночью. Он, наверняка, был один из тех, кто с нетерпением ждал грядущих перемен в жизни страны, а может, и будет в будущем эти перемены совершать и пользоваться их плодами. А пока он радовался жизни и своей молодости.

Зарплата в те годы у инженера была небольшой, но особых пристрастий в одежде он не имел, одевался как все в универмаге, в то, что есть. В очередях за дефицитом не стоял. Любил спортивный стиль. Но за простотой внешнего вида, считал он, у каждого мужчины должна быть своя изюминка, свой восклицательный знак. И для него это были часы. Он через знакомых женщин договорился, достал, добыл, как говорили тогда, часы «Ориент», упакованные в полиэтиленовый пакетик с морской водой, с ярко-синим циферблатом цвета моря в солнечный день. Это и был восклицательный знак в самом Глебе. Ещё одной его слабостью была обувь, которая должна была быть всегда не только идеально ухоженной, но и очень модной, тоже дорогой, стильной, как говорят сейчас. Если у него и не было тогда повседневного костюма: брюки и пиджак, то туфли были и черные, и белые, и коричневые, и были только входившие в моду в те годы импортные кроссовки и две пары зимней обуви: сапоги и ботинки, и он тщательным образом следил за обувью, даже в рабочем кабинете хранил щетку и крема нужных цветов.

Коротко стриженые черные волосы ёжиком уже местами имели седые прожилки; близко посаженные, но весьма немаленькие карие глаза смотрели не созерцая, а изучая окружающий мир, исследуя его, пристальным и внимательным взглядом; нос с горбинкой, всегда выбритые до синевы щёки напоминали скорее кавказца, но вот губы, чуточку пухлые и плотно закрывавшие рот, чисто по-русски изменяли лицо; видневшиеся на груди густые волосы завершали портрет.

Вкус сока манго

На следующий день Глеб взял отгул и с самого утра отправился в общежитие педина на Пушкинскую. У дежурной без труда все выяснил о Кате и уже к концу первой пары стоял возле дверей аудитории на втором этаже основного корпуса института, прислонившись к подоконнику и закрывая спиной небольшой букетик нарциссов. Зазвонил звонок, и студенты загомонили как пчелы и стали «вылетать» из своего «улья» через двери аудитории. В Глебе все сразу признали чужака: ребята косо, а девчонки с интересом смотрели в его сторону.

– Катя! – нарочито громко крикнул он на весь корридор, заметив её у дверей. Все на мгновение смолкли от крика и посмотрели в его сторону, повернулась и не заметившая его, как ни странно, а, может быть, и совсем не странно, Катя. Прищурившись, слегка окинув немым взглядом застывших в изумлении товарищей, Катя подошла к окну и молча остановилась перед ним.

– Добрый день, знаешь, я пришел извиниться за вчерашнее. Я не прав, прошу, прости, – Глеб приложил к груди ладонь и склонил голову.

Изумлённые студенты с открытыми ртами наблюдали эту сцену. Катя молчала, только отвела глаза в сторону.

– Катя, я не спал всю ночь, не понимая, как такое могло сорваться у меня с языка. Прости! Прошу! – он вытащил из-за спины букетик нарциссов.

Увидев цветы, Катя улыбнулась одними губами, глаза загорелись.

– Губа-то пухлая ещё, – сказала она мягко, принимая цветы, – надеюсь, до свадьбы заживет. Правда, «общаться» будет трудно пока, – она опять злобно взглянула на него.

– Я надеюсь, что не заживет, не успеет.

– Что не успеет? – не поняла Катя, нюхая цветы.

– Не успеет зажить губа.

– Почему?

– Катя, я прошу тебя, выходи за меня замуж, – он взял её за руку, – сегодня, прямо сейчас.

Она удивилась, глаза её ещё больше увеличились и раскрылись, через щелку между тонких губ блеснули два ряда белых зубиков.

– Что, прямо здесь?

– Нет, конечно, пойдем куда нужно и зарегистрируем законный брак, станем мужем и женой.

Они некоторое время смотрели в глаза друг другу, так что каждый видел своё отражение… Наконец она покачала головой, словно, взвесив всё, решила отказать, и сказала:

– Пойдем…

Прямо сегодня, сейчас пожениться не получилось. В ЗАГСе у них взяли заявление и выдали приглашение на бракосочетание в виде пакетика с изображением аиста, несущего в клюве младенца… Приглашение на бракосочетание через два месяца.

Как дети, у которых отняли любимую игрушку, они молча шли, просто брели по улице, потупив головы, оба расстроенные. Глеб опомнился первым и, решив как-то успокоить Катю, сказал:

– Катя, а давай отметим это событие, – он указал на пакетик, который она теребила в руках, – давай выпьем… кофе. Здесь, за углом, хорошая кофейня, даже есть бар. Посидим, поболтаем.

Катя молча кивнула головой…

Они оба направились к угловому, самому дальнему столику, словно договорившись друг с другом, чтобы меньше кто видел их потухший вид, хотя в это время всё равно в кафе никого не было и, как ни странно, официант появился быстро.

– Два кофе черных, мне двойной, а девушке – одинарный, – сказал Глеб, вопросительно взглянув на Катю, словно спрашивая её одобрения. Она молча кивнула.

– У нас кофе по-турецки, придётся подождать чуть-чуть, пока приготовлю, – ответил официант.

Катя и Глеб послушно кивнули. Катя вдруг неожиданно как-то спросила совсем без надежды:

– А нет ли у вас сока манго?

– Конечно, есть и даже холодный! У нас есть всё, – широко улыбаясь, довольный произведенным эффектом, гордо ответил официант.

– И мне сок ещё… тоже, – добавил Глеб.

Официант удалился с высоко поднятой головой.

– А что такое сок манго? – спросил Глеб Катю тихо, почти шепотом, словно не хотел, чтобы его кто-то услышал.

– Как, ты не знаешь? – глаза Кати опять засветились, заблестели, зубки сверкнули, натянув губки в веселой улыбке. – Ты никогда не слышал о манго?

– Правда, нет, я же комбайны строю, – он увидел оживление Кати и словно только сейчас почувствовал её присутствие после шока, перенесенного в ЗАГСе.

Вот она, его теперь Катя, ещё не жена, но уже невеста. Она, как Гагарин, перешагнула из одного звания в другое, миновав должность (может, не должность, а статус?) девушки. Была просто знакомая и стала сразу невеста, жаль, что не жена, правда.

Катя тоже наконец-то почувствовала, что Глеб теперь её жених, а не знакомый носильщик с автовокзала, и заговорила так энергично, что веснушки задвигались по пухлым щёчкам, вызывая умиление у Глеба.

– Манго – это плоды растения семейства «сумаховые», растёт в основном в Индии, кожура окрашена в красный, желтый или зелёный цвет, в зависимости от сорта, а вот мякоть и сок всегда желтоватые. Очень вкусный. Я его очень люблю, ты что, никогда не пробовал?

– Нет, и понятия не имел, что такое вообще есть.

– А знаешь, самый вкусный сорт называется «Альфонсо», что переводится как дамский угодник.

– А может, «Бабник»? – лукаво перебил Глеб.

– Это ты бабник, специалист по «общениям», – блеснула зубиками и глазами Катя. Глеб засмеялся. Им становилось легко и уютно друг с другом здесь, за угловым столиком в кафе. Что-то новое, ещё неведанное, как-то связанное со странным словом «Манго» появилось где-то здесь, в зале, и постепенно приближалось к ним обнимая и обволакивая их своим сладостным чувством и вкусом.

Официант действительно быстро принёс две чашки кофе, большую и маленькую, и два больших, грамм по триста, высоких запотевших стакана, наполненных желтой и тягучей как желток жидкостью. Кофе пить, конечно, пока не стали, а сразу принялись за сок. Глеб первым отхлебнул глоток холодной вязкой жидкости: немного терпкая и сладкая одновременно, она обволакивала рот изнутри незнакомым вкусом того нового и ещё неизвестного, но уже такого родного и близкого.

– Знаешь, у этого сока вкус любви, – серьезно и без иронии произнёс Глеб и отхлебнул ещё глоток, – вкус ещё приходящей только любви, вкус ожидания свидания, который ещё слаще, чем само свидание, вкус нежности, вкус желания… желания любить.

Он смотрел на Катю, а она маленькими глотками, словно только губки свои макала, пила сок, вся превратившись в слух. Да, женщины любят ушами и любят поступки своих мужчин. Того, что сказал и сделал сегодня Глеб, она ждала с тех пор, как помнит себя. И пусть их совместная жизнь началась с отказа поженить их, но она началась именно сегодня, сейчас, вместе с выпитыми глотками сока манго.

Глеб Сергеевич

Глеб Сергеевич все ещё стоял у полки с пакетами соков, погруженный в сладостные воспоминания начала такой большой и такой короткой любви. Катя ещё раз макнула губки в сок, положила вдруг руку на затылок, отставила стакан и как-то тихо, одними губами почти застонала и закрыла глаза.

– Что с тобой? – спросил он, даже испугавшись.

– А так, когда упала вчера во время драки, ударилась затылком об лёд, там теперь шишка и иногда болит.

– Ничего, пройдёт, теперь до свадьбы заживёт и твоя шишка, и моя губа, – пошутил он и стукнул своим стаканом об её и допил свой сок до дна.

Но не прошла та шишка, не зажила…

Катя и Глеб

Они стали встречаться каждый день. Не было тогда ещё сотовых телефонов. Созвониться, связаться друг с другом было не так-то просто, как теперь. Свидания назначали в определённых местах и в определённое время. Для них таким местом стало кафе на Энгельса, где подавали сок манго. Со временем все официанты знали их, и если кто-то из них приходил раньше, то ему несли два стакана сока сразу, потому что второй должен был появиться следом. Глеб и Катя стали своеобразным символом кафе, брендом, а для Кати и Глеба таким специальным символом, имеющим тайное значение только для них, стали стаканы с соком манго. Глеб с особым умилением, даже с упоением смотрел, как Катя макает свои губки в сок, наслаждаясь его вкусом. Та тоненькая нить, которая протянулась между ними, когда Глеб свернул на главную, освещенную и очищенную аллею парка и взглянул на Катю, тянувшую сумку, становилась с каждым днём крепче и крепче, и оба цепко и нежно держали каждый свой конец, боясь «порвать и повредить волшебную невидимую нить…» Поначалу они просто изучали друг друга, аккуратно ощупывая словами прошлое и настоящее каждого, постепенно и ненавязчиво проникая в душу друг к другу.

…Март заканчивался, иногда наступали уже теплые деньки, и настойчивое солнце рвало плотную пелену облаков и обдавало землю ярким ослепительным светом. Снег начал таять, превратив улицы и тротуары в месиво из снега и воды. Пешеходы в промокшей обуви аккуратно переступали, выбирая сухие места, всё же больше радуясь первым атакам весны на уходящую зиму, чем слякоти. Постепенно светало раньше, а темнело позже. Днем, особенно, когда солнце освещало тёплыми лучами землю и гнало прочь с неба тяжелые облака, все сильнее и громче раздавалось щебетание и трель тоже радующихся теплу птиц. Весна рвалась в природу, стучалась в жизнь людей, наполняла мир предвкушением грядущих перемен и вечной радостью ожидания счастья.

Больше не было надобности прятаться от непогоды в кафе. Глеб всегда провожал Катю в общежитие через парк, по той аллее, где снега уже почти не осталось, ветки деревьев тяжелели и гнулись под весом набухающих почек, и только место «дуэли» скрывалось ещё под толстой коркой льда; кое-где на нём чернели пятна Глебовой крови. Несмотря на решительность в обращении с женщинами прежде, наглость даже при первом посещении общежития, сейчас Глеб вел себя нерешительно и боялся прикоснуться к Кате – столь невинной, наивной и красивой была она теперь. Под солнцем и веснушки горели ярким огнём и глаза синели ещё больше и губки изгибались изящнее, блистая ровными белыми зубиками. Катя горела, сияла, торжествовала вся от неожиданного и такого жданного счастья. Да и целовалась она только один раз, когда ещё училась в школе, плохо и неумело и ей не понравилось. И она ждала настоящего поцелуя с ним, с Глебом, такого, каким Рет Батлер целовал Скарлет, но Глеб почему-то даже не пытался прикоснуться, как будто боялся чего-то. Они уже пересмотрели все фильмы во всех кинотеатрах, побывали и в театре, и на выставках и даже в цирке, посещали регулярно эстрадные концерты; Глеб был вежлив, проявлял заботу, заваливал цветами, всякими вкусными конфетами, но ближе чем на пять сантиметров не приближался.

Но вот как-то утром, когда все общежитие жужжало собирающимся на учебу табуном студентов, Катю пригласили к телефону на вахту.

– Сегодня вечером я приглашаю тебя к себе домой, вернее, в берлогу, как я называю это жилище, – Катя узнала Глеба и ощутила, как он волнуется, с трудом высказывая свои мысли. И у самой, у неё сердце забилось часто-часто и застучало в висках. – Но там уютно и тихо, будет званый ужин с деликатесами и вином, музыка, танцы, и мы с тобою вдвоем… Привет, – высказался, наконец Глеб.

Что-то вспыхнуло в груди у Кати и она задышала глубоко и часто, не в силах сразу ответить, молчала.

– Ты не согласна? – преодолев это молчание, спросил Глеб.

– Я согласна, я, конечно согласна, – представив именно тот поцелуй, ответила, не скрывая восторга, Катя.

– Тогда в семь я заеду за тобой в общежитие.

Конечно, Катю уже интересовало, где и как живет Глеб, но особого значения она этому ещё не придавала. Все внимание её сосредоточено было пока на изучении этого человека как личности и как предмета своей любви, и поэтому она была не очень удивлена, когда, подъехав на такси к обычному жилому дому, они вошли не в подъезд, а в длинный коридор, как у них в общежитии, только у них в общаге все было аккуратнее и чище, а уж потом подошли к двери, обитой красным дерматином, и Глеб, демонстративно достав ключи, открыл дверь и широким жестом пригласил Катю войти. Катя осторожно переступила порог и попала в маленький коридорчик, откуда вели три двери: дверь напротив входа была открыта – там находилась кухня, влево дверь была закрыта, и по картинке с мальчиком над горшком было понятно, что там внутри; вправо двери не было вообще, а был лишь большой проем в стене коридорчика, ведущий в маленькую, очень маленькую комнатку, такую маленькую, что мебель занимала все место. Посередине стоял стол, накрытый к ужину. Катя сразу обратила внимание только на две большие, ещё не зажженные свечи по противоположным краям стола и на большой графин с соком манго. Рядом, почти вплотную к столу, стоял сложенный книжкой диван. Чтобы его разложить, нужно было убрать стол, а убирать его здесь было явно некуда. Одно окно, закрытое плотной шторой, создавало в комнате полумрак, но сквозь щелку между половинами штор вверху проникал солнечный свет, отражаясь яркой полоской на противоположной стене. В углу, возле окна, на красивом камодике стоял огромный ящик телевизора, на котором, как бегемот, развалился бобинный магнитофон, а в другом углу вплотную к стене стоял маленький платяной шкаф с наполовину отбитым зеркалом на двери.

– Вот это моя конура, – глубоко вздохнув сказал Глеб, – хоть и конура, но всё же моя личная собственность… вернее, наша. И ещё я скоро куплю машину «Жигули» или «Ладу» … ну на что денег хватит. – Глеб не без удовольствия обвел рукой ещё раз свою конуру. – Давай, снимай пальто, можно не разуваться, у меня это не принято, – улыбнулся он.

Но Катя уже ощупала взглядом почти чистый, хорошо вымытый пол, покрытый, правда, начинающим местами лопаться линолеумом, а в крохотной прихожей уже видела огромные, с Глебовой ноги, тапочки.

– Нет уж, здесь весьма чисто, – она присела на краешек кресла и стала расстёгивать молнию на сапогах. Растерявшийся Глеб засуетился и, ничего другого не придумав, принёс ей свои же тапочки. Сам же пошел в кухню и сразу вернулся, щелкнул тумблером магнитофона; что-то стукнуло, грюкнуло внутри этого монстра, и полилась музыка – мягкая, ажурная (?) и спокойная, потому что это была великая и неповторимая музыка «Beatles», кассеты которой писались, переписывались и слушались почти в каждой квартире тех лет, и которая никогда никого не раздражала и не утомляла.

– Let it be» – это аперитив к сегодняшнему вечеру, – Глеб указал рукой на диванчик, предлагая Кате сесть там, – слушай, а я сейчас буду тебя кормить, – и опять вышел в кухню.

Оказалось, что он и готовит неплохо. Вскоре зашкворчало и запахло жареным мясом и ещё чем-то вкусным. Катя пробралась мимо стола и дивана и заглянула в кухню, где в фартуке крутился Глеб, но он погрозил ей пальцем, и она вернулась назад, успев заметить, что в большом чугунке на крохотной печке кипит подсолнечное масло, издавая вкусный аромат: значит, будет ещё и картофель-фри – очень вкусный и модный тогда продукт.

Перевод песень «Beatles» тогда тоже знали все… и когда тень стала нависать над певцом, и ему явилась мать Мария… Катя, слушая, рассматривала свои веснушки в отбитом

наполовину зеркале на двери шкафа. Из крошечной кухни появился Глеб, неся две тарелки с большими отбивными и все той же картошкой фри хорошо, обжаренной со всех сторон. Ещё в тарелках чувствовалось, как она будет хрустеть во рту. Затем, когда «все стали шептать слова справедливости, появилась бутылка «Бисера» и два фужера; также стол дополнили неизвестно откуда взявшиеся ранней весной три апельсина и не очищенный от кожуры и нарезанный тонкими дольками большой ананас, сложенный вновь в целый и украшенный хвостом листьев – просто искуство повара, его «знак качества».

И начался вечер, первый ужин при свечах, почти званый, и очень приятный, романтичный. Свечи горели, отражая на стене большие тени Глеба и Кати. Было вкусно, уютно и тепло. Было хорошо! Просто и легко…

А затем Глеб придвинул стол вплотную к шкафу и на площади между стеной и столом, где трое человек уже не поместились бы, под звуки «Michel» Глеб в первый раз прикоснулся к Кате и почти вплотную сначала, а потом и вплотную приблизился к ней, к её тонким губам и веснушкам… И тот поцелуй, ну как Рет и Скарлет, состоялся, наступил, произошел, только ещё лучше, ещё дольше, ещё красивее, ещё, ещё, ещё… И были три слова, понятные только для неё, главные слова на всём белом свете!..

А утром, когда весеннее солнце через маленькую щель между штор кралось по лицу спящей ещё Кати, поджигая веснушки, и разбудило её, «девушка не верила, что когда-нибудь умрет» и, действительно, новая жизнь пришла к Кате – пока ещё нереальная, сказочная и наверняка бесконечная. Смерти не было вообще места в этом мире, и поверить в то, что «кто-то кому-то может купить любовь», как настойчиво утверждали «Beatles», было невозможно.

На завтрак были заварные, настоящие ещё заварные пирожные с кремом, наполненные холодом морозилки и очень вкусные. Сок манго издавал аромат нескончаемых поцелуев, состоял из запаха Катиных волос, был вкусом любви…

– Как ты думаешь, наверное, уже пора познакомить тебя с моими предками? – спросил Глеб, наблюдая за пенкой поднимающегося кофе в турке.

– Я боюсь, но я согласна, – ответила Катя, глубоко вздохнув и закрыв глаза, как предложил из комнаты Пол Макартни, а Глеб, следуя его же советам, поцеловал её.

– У меня нет родителей, – выдохнув, шепотом проговорила Катя, – я их вообще не помню, они погибли в аварии в Сибири на комсомольской стройке. Мы с сестрой росли у бабушки в Вешенской, бабушки уже тоже нет. А вот Настя – единственная родная и самая лучшая сестра на свете. Уж она-то не похвалит меня за то, что я делала сегодня ночью… – с грустью проговорила Катя.

– Так не говори ей пока, – смущенно и не без скрытой гордости сказал Глеб.

– А я и не буду, просто бесполезно говорить. Ведь она – это я, а я – это она. Она, наверняка, все знает, почувствовала, что «ЭТО» случилось именно сегодня, – Катя сидела сбоку откидного столика у самой стенки в маленькой кухоньке, положив нога на ногу, вид у неё был грустный: то ли от воспоминания о погибших родителях, то ли потому, что «ЭТО» уже случилось, то ли боялась предстоящей встречи с Глебовыми родителями… – У неё-то и муж, и двое близнецов, уже больших мальчиков. Мужа зовут Олег. Это он дотащил ту сумку до вокзала в станице, – продолжала Катя, иногда макая губки в сок.

Глеб пил свой кофе, он тоже стал задумчив и невесел, потому что воспринял весть о гибели Катиных родителей как свою беду, потому что сегодня ночью Катя стала ему родным и близким человеком, второй его половинкой.

– В следующую субботу у меня выходной, и ты можешь пропустить институт, – он улыбнулся, – вот и съездим в твою Вешенскую станицу, у меня есть дело к твоей сестре, вернее, просьба, – и он опять улыбнулся хитро, только уголками рта.

– Какое? Какая? – раскрыв почти до челки свои и без того огромные глаза, действительно удивившись, спросила Катя.

– Когда спрошу, тогда и узнаешь. Сегодня у нас в программе фильм «Случай в квадрате 36—80» про настоящих мужиков, чтобы ты могла еще передумать. – Он поднял руку ладонью вперед, точно так как это сделала та дама в ЗАГСе, когда отправила их на два месяца: «Можете ещё передумать». И неожиданно взял её на руки и аккуратно пронес через узкую дверь в кухню на диванчик, и они опять забылись, унеслись в никуда, как только соприкоснулись их губы…

– С сегодняшнего дня мы живем здесь вместе как муж и жена, настоящие, – первым вернулся в реальный мир Глеб.

В его словах не было даже намёка на ту грубость, когда он предложил ей «пообщаться» там, в общежитии. Это были мягкие и нежные слова и в то же время твёрдые неоспоримые слова мужчины, берущего всю ответственность за сказанное на себя. Кате вдруг стало уютно и тепло, как будто она действительно оказалась за «каменной стеной» надёжности и ответственности Глеба. Она осмотрела маленькую комнатку, крутящиеся бобины на магнитофоне, наполовину отбитое зеркало двери шкафа и ей показалось, что это и есть тот огромный хрустальный дворец, куда сказочные принцы на белом коне увозят своих любимых женщин, Она положила голову Глебу на грудь и закрыла глаза, не веря в реальность своих мыслей.

– Я согласна, – опять сказала Катя, подчиняясь ему и радуясь тому, что есть кому подчиняться, – я согласна, – еще раз повторила она.

Неделя эта была по-настоящему медовой, только что мёда самого не было, а были поцелуи – длинные, бесконечно длинные и нежные, были слова – красивые, нужные и важные, были подарки, цветы – белые розы, вообще редкие и дорогие, были бессонные ночи и тот луч солнца, каждое утро прокрадывающийся сквозь щелку в шторах, озаряя и включая ярким светом веснушки на только недавно уснувшей Кате.

На занятиях она полуспала, а после уже бежала, как настоящая жена, в магазин за продуктами и, как настоящая жена, крутилась в маленькой кухне, готовя еду для Глеба – как для настоящего мужа. А потом, когда он приходил с работы… все начиналось опять, продолжалось и повторялось, вплоть до луча солнца сквозь щелку…

И в природу тоже пришла настоящая весна. Для начала апреля было слишком солнечно и тепло, снег давно исчез, воздух прогрелся, тяжелые почки уже открывали маленькие листочки, травка поднялась над газонами и зазеленела яркими пятнами среди асфальтовых пустынь большого города.

И утром, когда Катя, ещё сонная, отправлялась на занятия, и после обеда, когда уже радостная и возбуждённая спешила по магазинам с деньгами, которые ей дал почти настоящий, нет не почти, а уже настоящий муж, мужчина, её мужчина, и вечером, когда они отправлялись гулять, – всё время мир весны был озвучен пением, трелью, переливами, щебетанием птиц.

– Глеб, может мне после занятий съездить на вокзал и купить билеты? – спросила Катя за завтраком в четверг.

– Зачем? – удивился Глеб. – Я беру машину у Антон, а и мы поедем на белой «Ладе», почти как на белом коне. Антон очень хочет продать её мне, ну а я, конечно, очень хочу купить её. Вот и испытаем, попробуем этого коня…

Катя и Глеб

Выехали рано, в шесть часов утра, путь до Вёшенской далёкий – часов шесть ходу. Дорога в это тёмное время ещё была почти пустой, только иногда слепили глаза встречные машины. Уютный салон «Лады», тишина, двигателя почти не слышно, красивый свет приборов, статный, даже вальяжный бег авто, рядом любимый человек, управляющий почти своим автомобилем… Вот только это «почти». Да, пока у Кати все было «почти». Почти муж, почти семья, почти своя машина… Но это было, было у неё, у той девочки Кати, которая росла без родителей, без достатка, без особого счастья. И сейчас это «почти» было для неё не «почти», а «уже». Ведь Глеб – реальный и, главное, настоящий мужчина. Вот это и не было «почти». Это было на самом деле. Была та драка, кровь из губы, белый платок с синими полосками по краям. Было, да было хамство, недостойное её, Кати, поведение, но ведь был и букетик нарциссов и слова: «Выходи за меня замуж» там, у окна возле аудитории. И был её, для неё самой неожиданный ответ: «Пойдем». И это не «почти». Это настоящая радостная жизнь. И есть тот пакетик с аистом и младенцем, где указано, что 22 мая в 11.30 их ждут для бракосочетания. Через месяц…

Так, сидя рядом с Глебом на удобном сидении «Лады» и посматривая иногда на него, внимательного и сосредоточенного на дороге, думала Катя. А машина послушно бежала по шоссе, неся их обоих не только в станицу, но и в будущую жизнь. Вот уже засерел, загорелся, заголубел небосвод, звёзды стали меркнуть на небе и исчезать в свете зарождающегося дня. Вокруг дороги уже обрисовались вспаханные и засеянные поля, начинающие зеленеть посадки… бескрайние, бескрайние просторы России прорисовывались все четче и четче в новом дне. Спать совсем не хотелось, хотелось просто взять и положить голову на плечо к Глебу. Но она боялась помешать ему. И Глеб, словно чувствуя желание Кати, убрал правую руку с руля и положил её на Катину ладонь сверху. Тонкие, упругие венки ощущались под его пальцами. Он нежно погладил их и, словно отозвавшись на это прикосновение, рука перевернулась вверх ладонью, и тоненькие пальчики вплелись между его пальцами, слегка согнулись и застыли, застыли в удовольствии.

– Не спишь? – спросил Глеб. – Если хочешь, поспи, день впереди нелёгкий.

– Нет, я не хочу, я смотрю на тебя и мне хорошо. Я смотрю, чтобы ты не заснул.

– А вы похожи с Настей?

– Конечно. Но все же о чем ты хочешь её спросить?

– Вот приедешь и услышишь, – отшутился Глеб. – Жаль, ещё холодно, в Дону не искупаешься.

– А мы, бывало, в апреле уже купались в детстве. Вода холодная, и тело все дрожит, и радостно, и приятно, и мурашки по коже. И весело.

Это было время, когда страна готовилась к олимпиаде. Это было время Высоцкого, его «Охоты на волков» и «Коней привередливых». Это было время «Жигулей» и «Лад». Говорят, это было время застоя, но это было хорошее время!

Глеб включил приемник, они приближались к Каменску, и здесь «ловилась» музыка. Вдруг неожиданно, после шипения и рычания, из приёмника вырвалась песни:

И мне до тебя, где бы ты ни была,
Дотронуться сердцем не трудно.
Опять нас любовь за собой позвала….

И тут же опять погрузилась в хрип и скрип.

– Вот это слова, сразу целый образ, в двух строчках целая история любви, – Глеб не скрывал, что поражен услышанным, – не только стихи, но и исполнение, голос и талант певицы.

Это ведь целый мир. Говорят, что всплеск искуства шестидесятых сейчас угасает, но вот такие таланты как Анна Герман, по-новому показывают, выражают мысли, рожденные в шестидесятые. Ты как филолог возрази, скажи, что я не прав?

– Почему? Прав, конечно. Талант – это, прежде всего, развитые упорным трудом способности. И Герман – яркий тому пример. А Рождественский? Он, наверное, как Лермонтов и Пушкин, вне времени и эпохи. Классическое произведение наиболее реально отображает современность, но оно приемлемо, применимо и к другим последующим эпохам. Разве стихи Лермонтова не актуальны в современной жизни? Возьмем его «Три пальмы». О чем оно? Об одиночестве этих растений в пустыне? О смысле жизни в принесении пользы? «Без пользы в пустыне росли и цвели мы…» А может, об утраченной любви?: «А ныне всё дико и пусто кругом…» А, может, о политике? – «и стан худощавый к луке наклоня, араб горячит вороного коня…», что и делают со всем миром сейчас политики: рискуют, провоцируют. Вот это и есть классика литературы. Или «Крест» Рождественского: «Без креста мне ещё тяжелей» – через сто лет эти слова будут так же актуальны, как сегодня.

Катя до того увлеклась, что вдруг умолкла, словно устала.

– А Пушкин про ножки знаешь, что сказал? – лукаво спросил Глеб, взглянув на мгновение на Катины ножки и опять повернул голову на дорогу:

Ах, ножки, ножки, где вы ныне…
И дам обдуманный наряд
Люблю их ножки, только вряд
Найдёте Вы в России целой…

– Конечно, в современной России больше красивых ножек, чем в пушкинской, – он опять скосил взгляд на Катины ножки, – на этот вопрос даже институт статистики не даст даже приблизительный ответ. Но ведь эти пушкинские слова тоже классические, как ты говоришь, приемлемые и сейчас и, самое главное, будут приемлемы, будут иметь огромный смысл во все времена, пока живут на этой планете мужчины. Я вообще-то просвещен больше в теории машин и механизмов, сопромате, ТОЭ, но стихи очень люблю и классику вообще, особенно люблю Толстого. «Анна Каренина» – энциклопедия русской жизни. Так? «Я здесь, потому что должен быть там, где Вы», – это сказал Вронский?

Сейчас классика с книжных строк уходит в кино, там наиболее реально отображается современность, именно там сейчас творят наиболее талантливые люди. А вот в политике? – Глеб замолчал на мгновение, но решив, что Катя – это его женщина, и с ней можно говорить о том, о чем думаешь, продолжил: – Брежнев всего лишь мелкий политический деятель времён Аллы Пугачевой, – это не анекдот, а большая реальность. – Помолчав немного, он продолжил: – А хочешь, я прочту тебе стихотворение Рождественского, самое моё любимое, оно о преданности, о силе, о долге, любви, оно и о настоящих людях. Называется «Горбуша». Знаешь?

Катя улыбнулась и ничего не ответила.

– Горбуша в сентябре идёт метать икру, – начал Глеб медленно и внятно, но с каждым словом, с каждым сказанным предложением, осмысливая сказанное и примеривая его к жизни людей, ускорял речь; голос его звучал крепче и громче, словно он сам в этой жизни грёб навстречу течению изо всех сил, ища свой ручеек, свой песок, где должен зарыть свои икринки и «смерть принять затем». Вдруг утих и медленно опять продолжил: «Я буду кочевать по голубой Земле…» и громко, внятно сильно и властно: «Ноздрями ощутив последнюю грозу, к порогу твоему приду я, приползу…»

Жизнь для него и была ежедневной борьбой, и трудом, и он не просто проживал её, потому что она дана была ему, а имел цель в каждом дне, проведенном здесь, в этом мире. Именно поэтому он и не мог столько времени прикоснуться к Кате, а только приняв решение,

что Катя и есть главная цель в его жизни, он пригласил её к себе домой. И вот едет сегодня к Катиной сестре, чтобы просить Катиной руки.

– Ты очень хорошо прочел, Глеб, хорошо понял, наверное, о чем говорил Рождественский.

Катя все ещё была возбуждена и рвалась продолжить спор, доказывать и убеждать, и поняла в то же время, что ему не нужно ничего доказывать и не нужно его ни в чем убеждать просто потому, что мыслят они одинаково, что они и есть две половинки одного целого. И если с годами, как утверждают многие, любовь проходит, а на смену ей приходит другое чувство, такое состояние, когда люди просто начинают понимать мысли друг друга без слов, что если у одного болит голова, другой чувствует эту боль, один думает только, а другой уже вслух эти мысли высказывает – может, и они с Глебом вот так будут… научатся… Кате стало хорошо от этих размышлений.

Но вдруг головная боль опять возникла в затылке, быстро и остро, словно туда гвоздь забили. Катя закрыла глаза и опустила голову на подголовник. Боль была недолго, может, минуту, и так же прошла вдруг и сразу, лишь слабость осталась, усталость, словно она не говорила и думала, а бежала рядом с машиной целый час. А машина сама бежала по придонским просторам быстро, легко и свободно, словно в этом беге только и жила. Она бежала в станицу, где тоже жил классик, реально, очень современно отразивший в своих книгах жизнь нашей страны.

Катя уснула вдруг от этой усталости, уснула глубоко. А Глеб все ещё думал. Такой он ещё не знал Катю. Она не зря ходит в институт. Она – личность, она не только может постоять за себя, но и мыслит логично, смело. Он вспомнил, как узнал её такую: «Незачем было спасать меня от насильников вчера, чтобы требовать сегодня в награду того же», вспомнил также, как она чуть было не ударила его рукой, зато сильно ударила взглядом…

Сильная, волевая женщина! И вот теперь такая вся слабая и беспомощная, спокойно спит рядом с ним. Как ему казалось, спит беззаботно, но это уже был «заботный» болезненный сон.

Настя

Проспала Катя минут пятнадцать и так же быстро, как уснула, так и проснулась. Молча, всё ещё в мыслях продолжая беседовать с Глебом, смотрела в боковое окно. Она не спала, но Пушкин в своем цилиндре и Лермонтов в военном кителе и до блеска начищенных туфлях ходили где-то по окружающим полям, и Катя все очень хорошо видела: и цилиндр, и блестящие туфли. Они (внедрялись в Катины мысли, и она очень хорошо слышала их голоса, настоящие, которыми они говорили при жизни. Она так и не поняла, спит она ещё или это все происходит наяву…

– Катя, вот уже станица. Куда нам тут?

– Вон там, на том перекрёстке направо, – проснувшись окончательно, указала Катя.

Сестру о своем приезде Катя предупредила телеграммой еще в среду, просто написала: «Приеду в субботу». Каким автобусом, в какое время – ни о чем не сообщила. Тем более, что приедет не одна. И удивленная такой неопределённой телеграммой, Настя занялась с утра домашними делами, стараясь и убраться, и обед приготовить к двенадцати часам, когда приходит первый автобус из Ростова.

Насте было немного за тридцать. Сложенная аккуратно, с начинающей аппетитно округляться фигурой, она, как и Катя, была небольшого роста с правильными, даже красивыми чертами лица: те же непослушные, вечно путающиеся волосы, правда, длиннее, чем у Кати, они спускались до середины спины; та же вьющаяся челка с поперечной бороздкой на лбу, но глаза были меньше и внимательнее, ресницы темнее и длиннее, несмотря на светлый, светлее чем у Кати цвет волос. Маленький, тоже слегка вздёрнутый нос не имел никаких бороздок, а словно вылитый из воска, делил лицо на две половины и возвышался над несколько пухлыми и чувственными губами, плотно закрывающими при улыбке два ряда белых зубов. Щечки были покруглее Катиных и никаких веснушек на восково-глянцевой коже, только при улыбке на подбородке и щечках появлялись небольшие ямочки, придавая лицу привлекательность, делая его симпатичным и миловидным. Одета она была в то утро по-домашнему: в обтягивающие стройные ножки белые брючки и кофточку с очень короткими рукавами, подчеркивающими ещё тонкие и изящные руки. Передник в цветочек дополнял одежду. Маленькие ножки в мягких тапочках как-то быстро, аккуратно и тихо двигались по гостиной и кухне, где одновременно шла уборка и готовка обеда.

Дом был большой, достался от родителей Олега, мужа Насти, большой и дружной семье. Мужчины ещё спали. Хозяин, накануне вечером вернувшийся из трехсуточного рейса, заслуженно почивал в большой спальне на большой двухспальной кровати. Мальчики, лет двенадцати от роду, спали, потому что просто спали. Ведь суббота же! Хотя многие из домашних забот лежали на их ещё неокрепших плечах, не очень-то они переживали об этом грузе и без нескольких напоминаний и окриков матери за дело не принимались, а больше спорили между собой, стараясь показать друг другу, кто здесь лидер, а кто подчинённый. Сыновья походили на отца как две капли воды: худенькие, даже худые, рослые, даже длинные не по годам, оба с послушными, мягкими волосами, даже одинаково стриженными: закрытые по моде тех лет уши, длинные, прикрывающие шею сзади, волосы, и чуб под пробор, свисавший одинаково у обоих набок к правому глазу. Они, казалось, и вели себя одинаково: одинаково жестикулировали руками, двигали головой, вращая её во все стороны, когда надо и не надо, даже голоса были удивительно похожими. Но одно различие было непременным: они никогда и ни за что не хотели одеваться одинаково. Из-за одежды и лидерство переходило от одного к другому: кто во что оденется первым. За лидером были джинсы, за подчинённым простые брюки, а шуму

и беспокойства от них был полон дом и улица, и вся станица. Но, несмотря на это, мальчишки были самым большим и поэтому бесценным богатством родителей.

Семью содержал Олег – дальнобойщик – такое вот сильное и крепкое слово появилось в те годы, и был финансовым оплотом семьи. Настя не успела проучиться на факультете химии в Каменске и трех лет, как выскочила замуж за своего давнего жениха, Олега, как только тот пришел из Армии. Уже через девять месяцев она родила двойню и осталась дома, хотя все ещё не оставляла планов на продолжение учёбы и успешную карьеру.

Вот так и проходило то утро в доме у Насти. Время было уже за десять часов, подходил обед, гостиная вымыта, стол накрыт на пять персон, ведь ждали ещё и Катю. Настя, передохнув минуту на кухне, вновь ринулась в бой на уборку территории, что давно уже было прерогативой мальчиков. Но всё ещё считая их маленькими и потому жалея, Настя взялась за метлу. Пёс по кличке Шофер вылез нехотя из будки, скорее из уважения к хозяйке, чем из-за надобности приступить к своим служебным обязанностям, громыхнул цепью, потрусил головой, хлопая ушами по шее, да и забрался опять в будку, решив, что на этом осмотр территории закончен. А Настя мела, чистила, даже протерла окна снаружи. Она ждала Катю, скучала по ней, очень любила, ведь Катя, в принципе, была её первым ребёнком, дочкой, которую она вырастила и воспитала.

Но вот справившись и решив будить, наконец, к обеду своих мужчин, она поднялась на крыльцо. И в этот момент тонкий пронзительный сигнал «мявкнул» у самых ворот, и в следующий же момент калитка открылась, во двор вбежала, нет, влетела даже счастливая Катя. Крепко прижалась щека к щеке со старшей сестрой и, чуть раскачиваясь, стала целовать, целовать, целовать Настю…

Следом в калитке появился Глеб, немного смущенный, но тоже с радостным выражением глаз. Он держал в руках красивый по тем годам пакет из полиэтилена с фотографией знаменитого певца на боку.

– Настя! Вот. Это Глеб…! – Катя смутилась, не зная, как его представить и, все решив, как всегда сразу и правильно, продолжила: – мой муж, почти настоящий. У нас свадьба 22 мая. Ещё больше смутившийся Глеб несколько нелепо наклонил голову, даже наклонился к маленького роста Насте, протягивая ей тот пакет.

– Вот это Вам… и детям, а я, да я Глеб, почти муж, за оставшийся месяц Катя, надеюсь, не передумает, – все смелее и смелее говорил Глеб.

Настя, толком ещё ничего не поняв, с широко раскрытыми глазами, удивилась настолько, что даже губы удивились, раскрылись и показали всегда спрятанные зубки. Она только шептала что-то неясное, но Глеба окинула своим цепким взглядом и осталась довольна.«Хорош парень, красивый», – говорили её глаза, осматривающие Глеба от головы до блестящих коричневых туфель; даже дорогие часы задержали на себе на долю секунды этот взгляд. Так толком ещё и не начав говорить, все ещё удивлённая произошедшим, она ещё раз прижала Катю, поцеловав в веснушки, рукой стала приглашать гостей в дом. А сам дом был построен, устроен так, что входили все в помещение, которое было и кухней, и прихожей одновременно: здесь были и вешалка, и котёл, и кухонная мебель, и все остальное; далее проход вёл в гостиную, где посередине и стоял стол, сервированный на пятерых, а в стенах были двери, ведущие в три спальни, чем и был богат этот дом.

– Вот это моя комната с детства, – Катя показала Глебу на одну из дверей. – Кто сегодня лидер? Костя или Сергей? – спросила она у Насти, то есть спросила, кто спит сегодня в её комнате.

– Не знаю, – отмахнулась Настя, – они могут и ночью лидерством поменяться, – и она резко открыла дверь. С кровати вставал мальчик, вернее, вставал и спал одновременно, полуразбуженный непонятными звуками в доме. Но, увидев Катю, проснулся сразу и закричал радостно: «Училка приехала!» и повис на шее то ли у тёти, то ли у старшей сестры. Из другой

комнаты вышел тоже заспанный Олег, а из третьей двери выглядывал точно такой же мальчик, как и Костя, который сегодня, видимо, был подчинённым и спал не в Катиной комнате. Смущение от первой встречи у Глеба быстро прошло, и он чувствовал себя как свой среди этой дружной, весёлой и, должно быть, уже и его семьи…

Вскоре все мужчины умылись, оделись, причесались. Все пребывали в отличном настроении, все, кроме Серёжи, который и сегодня уступал лидерство и имел обиженный подавленный вид, потому что брат не давал ему подобраться к Кате и как следует пообниматься и поговорить с ней. Одет он был в простые брюки, Костя красовался в редких, тем более для детей, в те времена джинсах и без умолку говорил с Катей. Она, заметив, что Серёжа грустит, подозвала его к себе и, посадив с другой от себя стороны на диване, всё пыталась развеселить его, рассказывая о своей веселой студенческой жизни, познакомила с Глебом, ещё раз назвав его своим мужем. Мальчики сначала с опаской посматривали на чужака, но как-то быстро освоились и задавали ему кучу вопросов, в основном про «Ладу» и, заполучив ключи, которые для поднятия настроения Глеб вручил Серёже, пулей умчались во двор испытывать предмет в оригинале.

– А вдруг заведут и поедут? – испугалась Катя.

Да она и не закрыта, но я, как учил Антон, нажал секретку. Так что не заведут.

– Да? Да они твою секретку в момент найдут, – они же дети водителя.

И точно, через несколько секунд уже был слышен работающий мотор машины. На разборки пошел Олег. Вскоре мотор заглох, а пристыженные, но, видно, очень довольные мальчики вернулись в комнату. Возвращая ключи, Серёжа с гордостью сказал: «Классная тачка!» и поднял вверх большой палец, изображая полное удовольствие и гордость: «Завелась с полуоборота!». Только его брюки, брюки, а не джинсы, были все в пыли от двери машины, которую он заодно и «протёр» ими…

Хозяйка всех пригласила к столу и первым делом, ещё до то ли завтрака, то ли обеда стала раздавать привезенные гостями подарки. Мальчикам достались два одинаковых, но разного цвета водяных пистолета, в которых и воды-то не было, но уже через секунду, переспорив, кому какой цвет принадлежит по праву, они начали оспаривать это право, стреляя друг в друга неизвестно откуда взявшейся водой. Родители их как-то спокойно отнеслись к перестрелке и шуму. Далее Настя достала из пакета картонную длинную коробку с коньяком «Белый аист», в те годы настоящего и очень вкусного.

– Это, конечно, мне, – потирая руки, проговорил Олег, – мне и Глебу, вернее, – и потянулся за бутылкой.

Настя покачала головой в знак полного несогласия, но бутылку передала.

– Не будь это подарок, так бы я его тебе и отдала. Это же почти лекарство… Она опять опустила руку в пакет и достала оттуда маленькую коробочку белого цвета, чуть больше спичечной, в целлофановой плотной упаковке. Её пронзительные глаза и плотные пухлые губки раскрылись вдруг в удивлении, и все три ямочки на щечках и подбородке выразили это удивление:

– «Шанель», «Шанель №5»! – с восторгом прочла Настя. – Не может быть… У меня есть «Шанель,» у одной меня во всей станице!

– У тебя и двойня у одной во всей станице, – улыбаясь, пошутил Олег, но тоже был удивлён и удивлён приятно.

– Мама, какая шинель и как шинель может влезть в такую маленькую коробочку? – удивлённо спросил Костя.

– Не шинель, а «Шанель» – духи французские, – позор, не знать такого. Снимай джинсы. Шинель… теперь я лидер, – злорадно вымолвил Серёжа, – теперь твоё прозвище Шинель и никогда тебе не быть лидером.

Настя попыталась понюхать духи, даже не сорвав с коробочки обёртку, но, поняв, как надо сделать, потянула за блестящую полосочку на краю коробочки; обертка разорвалась и легко снялась. Настя аккуратно вскрыла коробочку. Внутри оказался маленький флакончик, граммов на пять, с притёртой фигурной пробочкой. Настя, не задумываясь, вынула пробочку и сразу коснулась ею ушей с двух сторон и шеи: гостиная наполнилась несколько сладковатым, но в то же время фантастическим, неописуемым ароматом французских духов.

– Вот это да! Куда бы нам пойти теперь, чтобы все услышали этот запах? – задумчиво проговорила Настя и, помолчав секунду, добавила; – Шанель, Коко Шанель! Спасибо! Вот это подарок. У меня такого никогда не было.

Она подошла к Глебу и поцеловала его в щёку.

А Олег уже вскрыл коньяк и разлил по рюмочкам, даже не взгянув на бутылку водки, отодвинул её на край стола, как второсортную, ненужную вещь. Выпили, поели. Еда деревенская была вкусной, аппетитной и свежей. Катя с Глебом молчали, хотя первая неловкость уже давно прошла, Настя суетилась с тарелками, Олег тоже молча ел, но иногда поглядывал на коньяк. Выпили по второй, потом по третьей.

И когда у всех на щеках появился коньячный румянец, и языки были уже готовы говорить обо всём сразу, поднялся Глеб – без рюмки, правда, и, опёршись о стол сначала одной рукой, а потом и другой, переменив позу, вздохнул и заговорил медленно, но уверенно:

– Знаете, Настя и Олег, Олег и Настя! Костя и Сергей! Я приехал сюда, к вам в гости, – он умолк на мгновение, специально сделав паузу перед тем, как сказать главное, – чтобы просить руки вашей сестры и, наверное, дочери. – Румянец сошел с его лица, несколько блестевшие от выпитого глаза посерьёзнели: – Я прошу вас отдать за меня замуж Катю! – он сел.

– Я не против, я «за», – Олег опять взял в руки бутылку.

– Олег, подожди, – Настя встала, в глазах её появились слёзы и одна уже катилась по пухлой щечке к появившейся вдруг от переполнявшего её счастья ямочке. Я так и знала, я две недели не сплю, всё думаю о Кате, как чувствовала… – тихо говорила она и, утерев слезу полотенцем, добавила, – это от счастья, счастья за вас. Я тоже согласна!!! И очень рада и за свою Катю, и за тебя, Глеб, – она подошла к ним и поцеловала сначала Катю, а потом Глеба, обдав их запахом своих духов…

А вечером ходили гулять к Дону на закрытый ещё пляж. Могучая река – действительно была тихой почти, беззвучной, только всплески играющей в воде рыбы нарушали эту тишину. И весенний воздух, то тёплый, то прохладный от дуновения ветерка, наполненный запахом воды Дона и Настиных духов, пьянил и освежал в одно и то же время. Они шли вдоль реки до церкви Михаила Архангела от того места (я не поняла – от какого места: от церкви или до того места, где красуется…?), где сейчас красуется памятник Григорию и Аксинье, где «против станицы выгибается Дон кабаржиной татарского сагайдака, будто заворачивает вправо». Река молчала. Тишина природы, ожидавшей приближения шума весны, передавалась и людям. Они молча шли, слушая эту тишину. Здесь, в Вешенской, ветки деревьев ещё не покрылись зеленью, только почки наливались соком зарождающихся листочков. Тишина давила на уши, покрывала Дон и оба берега спокойствием и умиротворением, и лишь всплески рыбы и легкий прибой иногда шелестели вблизи.

Катя двумя руками держалась за руку Глеба, и Настя, шедшая рядом, ревновала сестру к мужчине, который «отобрал» у неё Катю, но ревность эта была радостной: Глеб действительно понравился Насте именно как будущий муж её сестры. Люди молча слушали тишину природы, и каждый думал о своем, о сокровенном. Природа настраивала на покой и умиротворение их души, сама великая река влияла на их поведение и их чувства, убеждая, что в будущем их ждет счастье… Но это было не так…

А потом Глеб и Олег сидели в беседке. Олег был слегка пьян и закурил сигарету, хотя вообще-то был некурящий. Он рассказывал о своей работе, о «КАМаЗе», которого называл

своим кормильцем, о дальних рейсах, даже за Урал, о деньгах, которые он зарабатывал, о своих сыновьях, о жене, о своей единственной и большой любви. Человек он оказался добрый, способный жить для других людей, вовсе не думая о себе. Человек этот был доволен жизнью, считал, что он нашел в ней своё место и счастье, другого просто не желал. Но всё же иногда во время разговора он посматривал на «Ладу», стоявшую рядом с беседкой, и вздыхал глубоко и задумчиво. Глеб и выпил меньше, и был покрепче Олега, но тоже с интересом говорил о своей работе, о том, что в этом плане занимало его мысли и, подумав, решился рассказать Олегу о видимой им необходимости менять всю систему, существующую в стране, переходить от похвальбы и бесконечных отчетах об успехах и победах, отчетах, в принципе, для самих себя, скорее о самообмане, в который все больше и больше погружалась вся страна, к конкретному, плодотворному труду, новому отношению к жизни, полной перестройке общественного сознания и мнения. Вот только Катя! Так неожиданно появившаяся в его жизни при свете ночного фонаря, отраженного в тысячах летящих на землю снежинках и изменившая за один день всё его мировоззрение… Рассказал он и том, как, стоя у зеркала и рассматривая свою разбитую губу, он вдруг понял, что Катя и есть его женщина и что он хочет, чтобы она родила ему ребёнка, и что он об этом своем желании не говорил никому, даже самой Кате. Но именно разбитая губа в драке за Катю, за его женщину, и побудила в нем это желание. И он принял свое решение…

Ночевать они решили в Катиной комнате.

– Раз почти муж, то я разрешаю, – ответила Настя на просьбу Кати положить их спать вместе в бывшей Катиной комнате. – В Ростове-то вы, наверное, ни у кого не спрашивали на это разрешения. Настя глубоко вздохнула и прижала к груди своей младшую, все ещё маленькую для неё, сестру, будто ей жалко стало класть её в постель с мужчиной, с почти мужем, она чуть не заплакала, глаза её уже наполнились слезами. Но враз просохли, словно она осознала, что в данный момент нужнее радоваться, чем плакать, и она улыбнулась и глазами, и пухлыми губками и пошла стелить постель в комнате «лидера».

А Олег был не против ещё выпить, сказав Глебу, что в его словах без бутылки не разобраться, как и в делах, творящихся в стране. Он поглядывал на, казалось, не такую уж и второстепенную и ненужную бутылку водки, все ещё одиноко стоявшую на краю стола. Мальчики после прогулки захотели есть, и вся семья опять села за стол. Ели, пили, говорили. Катя с Настей чуть позже ушли на кухню мыть посуду, а на самом деле, чтобы поговорить наедине. Мальчики не стали делить сегодня должность» лидера» и, видимо, устав от суматох сегодняшнего дня, удалились в комнату «подчинённого» и чуть погодя уже крепко спали, прижавшись друг к другу. Глеб с Олегом ещё сидели за столом, говорили так, обо всем сразу и ни о чем конкретно, к теме политики больше не возвращались, но Олега очень заинтересовали прогрессивные взгляды Глеба, потому что такие же примерно мысли давно появились и обсуждались у Олега на работе. Они оба ждали возвращения сестер.

Настя и Катя вели спокойную беседу на кухне, обсуждая подготовку к свадьбе: что, где и как нужно будет делать. Молодым ещё нужно было побывать в Таганроге, у родителей Глеба, наверное, сделают это на следующих выходных. Предстоящие события волновали, приятно теребили душу полностью в соответствии с тем значением, которое им придают люди…

– Мне здесь очень нравится, – заговорил Глеб, когда они улеглись и лежали рядом, каждый на своей подушке, – очень хорошие, гостеприимные люди, особенно мальчишки, и эта их постоянная конкуренция, соперничество… ведь это не вражда и ссоры, они же друг друга пальцем не трогают, они любят, жить друг без друга не могут, но соперничают, каждый старается занять свою принципиальную позицию и отстаивает её до конца изо всех сил. Они мне очень нравятся. А, может, и у нас будут такие вот близнецы? Знаешь, а может быть, лучше две девочки? Люблю девочек почему-то больше. Наверное, от них шума меньше и они красивые как куколки! – Глеб зевнул.

От него слегка пахнуло спиртным, но довольная услышанным, Катя повернулась к нему на бок, положила голову на его заросшую грудь, умащиваясь, как будто и спать собиралась так у него на груди.

– Мужчины всегда хотят мальчиков, а ты особенный, ты самый лучший из мужчин. Я тебя люблю! – Она сказала эти слова сейчас первый раз за всё время их знакомства.

Глеб даже обижался про себя, что она не говорит ему о любви. Ещё не говорила, но, услышав эти слова сейчас, он погрузил свое лицо в её волнистые волосы и повторил тоже:

– Я люблю тебя! – повторил второй раз за время их знакомства. То признание, что он сделал тогда у себя дома, во время танца под «Michele» при первом поцелуе в их жизни, еще свежо было в памяти, но не получив ответа, он больше о любви ей не говорил.

– Я знаю, – прошептала Катя. – Я слышу эти слова мозгом, умом каждый день: когда тот луч солнца заглядывает в твою комнатку через щелку в шторах, и ты просыпаешься, я уже слышу их от тебя, я слышу их на занятиях среди слов профессоров; врывается в мой слух голос и говорит: «Я люблю тебя»; когда выбираю продукты в магазинах и готовлю тебе еду, я тоже слышу: «Я люблю тебя»; когда ты сказал, что в пятницу мы поедем сюда, ты прошептал без слов: «Я люблю тебя»; когда в институте у подоконника ты подарил мне букетик нарциссов, И когда дрался с пьяницами, и когда дарил мне цветы (?) – белые розы, ты всегда молча говорил мне эти слова, и я их слышала, – шептала Катя, засыпая.

Глеб обнял её крепко поцеловал в губы, проявив желание.

– Ты хочешь девочек? – сказал он, привлекая её к себе.

– Но не сейчас, у тебя же коньяк в крови, и хорошие девочки, наверное, не получатся сейчас. Давай спать, – и она выскользнула из его обьятий, но сразу же опять прильнула к нему, настойчиво проявив теперь уже свое желание…

– Я хочу в церковь, – за завтраком негромко, но властно сказала Катя.

В казачьей станице церковь была всегда, несмотря на власть и эпохи, на гонения и вражду со стороны государства. Казаки всегда чтили и ходили в церковь в основной своей массе. Двери церкви всегда были открыты… Здание церкви Михаила Архангела с двумя куполами, пристройками и служебными домиками между которыми и были ворота в церковный двор, находится на холме, в конце парка, над Доном, недалеко от Настиного дома.

– Я тоже пойду, – поддержала её Настя, вставая из-за стола, – сейчас найду косынки.

– У меня есть, я из дому взяла, – ответила Катя.

Глеб удивился, что Катя заранее подготовилась к посещению церкви. Он в церкви не был ни разу в жизни, а Олег отшутился, что пойдёт лучше с детьми в кафе мороженое есть и там подождёт их. Он-то относился к той группе людей, воспитанных уже Советской властью, которые сторонились церкви, но не отрицали её. А Глеб решил пойти, больше из интереса, ведь здесь его никто не знал, не было ни парторга, ни профорга, которые и без того не жаловали его.

Пошли все пешком. Проходя через ворота церкви с головами, покрытыми белыми платками, как белым снегом, сестры умело трижды перекрестились на здание самой церкви, потом, зная уже дорогу, повернули к церковной лавке, купили свечей и опять крестились и кланялись, входя в церковную дверь. Делали они всё настолько уверенно, что ясно было – здесь они не в первый раз и чувствуют себя в «гостях» у Бога, как дома. Глеб в нерешительности шел сзади, наблюдал только, но не крестился и не кланялся. Народу внутри собралось немного. Было прохладно, даже холодно, непривычно мрачно после яркого весеннего солнца на улице. Каменный шершавый пол помнил тысячи и тысячи ног, прошедших здесь за долгие времена. Сестры сначала остановились в первом помещении, перекрестились и поклонились трижды, а потом прошли во второе, под свод купола, где из окон струился яркий радостный свет. Глеб держался где-то поодаль, наблюдая за действиями, здесь происходящими, и разглядывая утварь с нескрываемым интересом. Внимание всех вдруг привлёк крик младенца. В правом дальнем углу церковной залы стояла группа людей, среди них – священник в золотого цвета

одежде принимал из рук женщины ребёнка и, почувствовав чужого, тот неудержимо кричал. Не сказав ни слова, сестры направились туда. Священник держал ребёнка на руках, а мать снимала с него пелёнки, оставив его совсем голенького. Вдруг крик прекратился: малыш, погруженный в теплую воду большой серебряной купели, умолк на миг и заморгал своими огромными глазами от удивления и стучал ножками, как только его вынимали и погружали вновь. Закончив обряд, священник передал было начинающего опять плакать младенца матери, и та, кутая его в большое полотенце, погладила ему животик, прижала к себе и, обиженно всхлипнув ещё раз, ребёнок умолк на руках у своей мамы.

Сестры улыбнулись друг другу, тронутые этим действом. Катя обернулась, ища Глеба, тот стоял поодаль, довольный увиденным, и тоже улыбнулся в ответ.

– Да воскреснет Бог, да расточатся врази его и бежат от лица его ненавидящие его, – вдруг раздался громогласный голос из другого конца залы. Взгляды прихожан теперь устремились туда. Там у колоны, поддерживающей свод купола, стояла небольшая кафедра, а перед нею с одной стороны молодой человек со склонённой головой, а с другой священнослужитель, одетый в черное, небольшого роста и с черной бородой, подняв руки к куполу церкви, самозабвенно читал эту молитву своим зычным громким и выразительным голосом, который, отражаясь от купола, накрывал всех силой и смыслом звучащих слов:

– …Кресте Господень прогони бесы, силою пропятого на тебе господа нашего Иисуса Христа…

Катя четко представила себе лицо Иисуса, пропятого на кресте с полузакрытыми от страданий глазами и склонённой набок головой, и стала искать его, это лицо, на стенах церкви. И вдруг столкнулась с ним взглядом, со здоровым, воскресшим и ставшим Богом, Иисусом Христом, под куполом залы, откуда великий Христос сходил с облаков, простирая руки к людям и смотрел на них своими большими, широко открытыми глазами. Зачарованная этим взглядом, Катя застыла сначала, словно парализованная, остолбенела с высоко поднятой головой. Рисованные глаза Христа показались ей живее живых, и в своём остолбенении она увидела вдруг, как эти большие глаза прищурились, словно рассматривая её, и маленькая красная слезинка выкатилась из глаза Христа, побежала по его щеке и упала вниз, прямо на Катю. Испуганная видением, она шатнулась в сторону, но тут же ощутила удар падающей этой слезинки на своей щеке и, испугавшись ещё больше, она промокнула эту слезинку платком, тем белым с голубыми полосками по краям, которым недавно промокала кровь Глеба. Но видение вдруг исчезло, и не было ни платка, ни следов крови на нём… Она опёрлась на руку подоспевшего Глеба.

– Тебе плохо? – спросил Глеб.

Но Катя опять представила распятого на кресте Христа с мёртвым бледным лицом и склоненной на бок головой, и ручейки крови, такой же, как слезинка, стекали из колотой раны под сердцем.

– И даровал нам, тебе крест свой честный на прогнание любого супостата, – продолжал священник, утверждая на весь свет смысл молитвы…

Голова у Кати закружилась, появилась тошнота, и тот гвоздь опять со всей силы пробил затылок, наполнив всё тело её болью. Она сильнее опёрлась на руку Глеба:

– Мне, правда, плохо, давай выйдем.

Но на свежем воздухе тошнота усилилась, боль сместилась в затылок и не утихала, бледное лицо её покрылось капельками пота. Держась все ещё за руку Глеба, она потихоньку пошла к скамейкам в парке напротив церкви, а перепуганная Настя, семенившая за ними, то прикрывала рот ладонью, то промокала слёзы на глазах. Катю вдруг позвало на рвоту, её усадили на скамейку, и Настя обмахивала её снятым с головы платком и теперь почему-то улыбалась…

– Глеб, беги за Олегом. Дети пусть идут сюда, а вы за машиной. Олег покажет, как поближе подъехать, – она указала пальцем на дорогу вдоль парка, – а я побуду здесь, с Катей.

Растерянный Глеб пошел вправо, затем повернулся и направился влево, но сообразив, наконец, где кафе, побежал прямо через газон. Минут через десять они уже вернулись вместе с машиной, Кате всё ещё было плохо: её тошнило, промокшая от пота челка прилипла ко лбу, глаза выражали страдание.

– Голова болит сильно, затылок, – Глеб подхватил её на руки и опять через газон понёс к машине. Обмякшая рука Кати свисала с его плеча.

Дома Катю уложили на постель, мокрое холодное полотенце положили на лоб, Настя дала ей две таблетки анальгина, и чуть спустя Кате стало легче, она порозовела и улыбнулась.

– Может, надо было скорую? – ещё ничего не понявший Олег разводил руками и рассуждал сам с собой.

– Ага, через девять месяцев или гораздо раньше и скорая понадобится, – улыбаясь перебила его Настя.

Глеб раскрыл от удивления рот и глаза. Что-то забормотал непонятное, но через секунду тоже улыбался, выражая теперь полное удовлетворение от произошедшего.

– Вот это да, ну вы даете! – наконец-то и Олег понял, в чем тут дело.

Но дело было не в этом.

Как только Катя полностью пришла в себя, они собрались и уехали в Ростов.

Глеб и Катя

Сначала ехали молча. Каждый в отдельности пытался проникнуть, вернее, вникал в то положение, в котором они оба и, в первую очередь Катя, оказались. В голове у каждого звучали слова: беременность, ребёнок, малыш, девочка, а может, мальчик, двойня, счастье, семья, приятные хлопоты… Так продолжалось, пока машина выбиралась из станицы, перебиралась, гулко хлопая колёсами о понтонный мост, поднималась в гору.

Первой заговорила Катя:

– Глеб, я почему-то боюсь, очень всего этого боюсь. Мне страшно.

– А я горжусь тобой, малыш! У меня радостно на душе. Я ликую. Спасибо тебе огромное. Ты такая… такая замечательная! Но так всех напугала. И не бойся, пожалуйста, я же всегда буду рядом и успею взять тебя на руки, защитить, как и раньше, – он опять положил свою руку на ладонь Катиной, и она перевернулась, как и раньше, и пальцы их сплелись…

– Вот, родители, узнай об этом, обрадовались бы, – со вздохом продолжила Катя. – Как жаль, что я их совсем не помню. – Она посмотрела в окно – на том холме она вдруг на какой-то миг увидела папу и маму, прямо как с фотографии: молодых и весёлых. Они приветливо улыбались и, словно не обращая внимания на быстрый бег машины, спокойно шли рядом. Папа помахал Кате рукой, и они оба исчезли. Катя была уверена, что это было не видение, не воображение, не фантазия. Это было на самом деле.

– Там, = Катя показала пальцем туда, на обочину, где только что видела родителей, – там… – и умолкла.

Глеб внимательно смотрел на дорогу и все ещё держался за Катину руку. Вдруг острая, как гвоздь, боль опять ударила её в затылок, словно этот гвоздь с одного раза забили по самую шляпку большим и тяжелым молотком… И прошла так же быстро. «Беременность беременностью, но ведь при беременности разве бывают такие сильные головные боли? – думала Катя. – Говорить ли Глебу об этих болях? Нет нужно сначала побывать у врача» – решила она.

А Глеб, словно читая её мысли, сказал:

– Нужно завтра же побывать у врача, у гинеколога, вернее, у акушер-гинеколога, – он даже палец поднял вверх, довольный своими познаниями…

Затем они долго фантазировали, как назовут своих детей, как получат новую квартиру. Сельмаш, слава Богу, строил много жилья, и Глеб, превратившись из холостого в женатого, быстро станет в очередь и быстро получит квартиру. И, конечно, основательно займётся карьерой. Работать, работать и работать, ведь занятие свое, свою работу он любил и знал досконально, за что его и ценили на заводе.

Катя поспала немного. Потом они остановились у Шолоховских пеньков, поели Настиной еды, походили по лесу, целовались, конечно, и лес зашумел ещё голыми ветками, словно аплодируя им. И когда сумерки плотно покрыли небо, припадая к земле, напуская на неё ночь, въехали в город. Так радостно, но через испуг, прошел этот первый визит к Насте в Вёшенскую.

А утром они, как обычно разбежались по делам. но Настя твёрдо решила сходить к врачу и после занятий направилась в студенческую поликлинику в регистратуру:

– У меня часто и сильно болит голова и ещё… я ещё беременная, по-моему, – сказала она в окошечко.

Девушки внутри заулыбались, стали советоваться, к какому врачу выписывать ей номерок и, конечно, решили, что к акушер-гинекологу.

…Внимательно выслушав Катю и осмотрев её, пожилая врач только пожала плечами:

– Признаков беременности я пока не нахожу, может, срок пока маленький, две-три недели. Поэтому нужно обследоваться, понаблюдаться и обязательно побывать у невропатолога, – и она уселась за стол и стала быстро-быстро, словно опасалась забыть свои мысли, запи-

сывать их в карточку и выписывать разные бланки направлений на обследование и консультации.

Смущенная методикой, способом обследования, впервые в жизни попавшая за ширму гинекологического кабинета к креслу, больше похожему на какое-то кресло пыток, Катя, перепуганная и расстроенная, одевалась медленно. Ей почему-то даже хотелось заплакать. Заметив её состояние, кабинетная медсестра, тоже немолодая женщина, стала успокаивать Катю. Голос у неё был мягкий и заботливый, слова нежные и тёплые, она назвала Катю саму ещё ребёнком и сказала, что беременность обязательно будет заметна через пару недель.

Собрав, бумажки, Катя вернулась в регистратуру. Номерков к невропатологу не было ни на сегодня, ни на завтра, и ей предложили обратиться ещё раз завтра утром, когда она натощак, именно натощак, а не просто голодная придёт сдавать анализы… Так почти ни с чем она и ушла… Настроение упало, но вот «гвоздь» больше не беспокоил. И при переходе улицы, уже недалеко от дома, ей опять показался Пушкин. Он стоял под крышей остановки автобуса, настоящий Пушкин в старомодной одежде, среди людей, одетых в современные костюмы. Это опять озадачило Катю. Она все не могла вспомнить слово, каким в медицине называется подобное, и ещё больше расстроившись и ослабев от неудач этого дня, вернувшись домой, Катя прилегла на диванчик и сразу крепко уснула. Да так глубоко, что проснулась только тогда, когда Глеб пришел и разбудил её.

Стал расспрашивать, что да как было у врача. Катя сначала нехотя отвечала, как бы стесняясь того, что Настин диагноз пока не подтвердился, а потом, вспомнив маму, ту, с фотографии, она стала быстро и четко всё рассказывать Глебу: и о видениях по дороге в станицу и по пути назад, и том, что сегодня опять видела Пушкина, и о «гвозде», и даже о той капле крови, что упала из глаза Христа на её щеку. И только выговорившись, она успокоилась окончательно: она поняла, что Глеб для неё теперь и за папу, и за маму, и за себя, Глеба – мужа, её мужчину, и что он теперь единственный и самый родной ей человек. Ей так хорошо и легко с ним. Он обнял её, прижал к груди и нежно гладил по волосам, зарываясь в них лицом, и думал о том же…

Назавтра Глеб сам повёл Катю в больницу, и не в студенческую, а в свою заводскую, договорившись о почти частном визите к гинекологу и невропатологу. Но ничего конкретного, кроме новых рекомендаций и назначения обследований, доктора не сказали. Правда, от невропатолога Глеб узнал новый медицинский термин: «последствия закрытой черепно-мозговой травмы». Этот термин, даже диагноз, обдуманный и понятый им только дома, принёс, наконец, успокоение и ему, и Кате. Ну, конечно, после удара об лёд мозг сотряснулся, содрогнулся. Вот и выдает кое-какие сбои в работе. А какие именно и почему, покажут рентген и анализы, тем более, что профилактическое лечение назначено. Ну, а беременность, конечно, она есть, проявится скоро, и всё у них будет хорошо. Так, наговорившись вдоволь и довольные своими выводами, обнявшись, почти прильнув друг к другу, они и уснули, счастливые тем, что они вместе и вместе решат и пройдут через всё…

Неделя подходила к субботе, Катя чувствовала себя хорошо, даже какая-то бодрость и радость восприятия жизни появилась. Она с волнением и предвкушением нового и интересного знакомства готовилась к поездке к родителям Глеба в Таганрог. Весна приближалась к маю, праздникам, зацвели уже яблони и вишни, мир утопал в белых красках цветущей природы, зеленел наступающим летом. Солнце поливало этот мир счастливым светом наступившей весны. Глеб вводил Катю в свой круг, знакомил с друзьями, много говорил с ней о своей работе и своих интересах, слушал её, вникая всё глубже в её мир. Кате очень понравился колоритный, умный, эрудированный Антон. Сын, и в те времена богатых родителей, он отличался от плебея (?) тем, что был личностью и личностью незаурядной. И даже если и работал в НИИ, то не числился там, а именно работал. Знал хорошо и много и увлеченно объяснял Кате про-

блемы своего института, привлекал своим обаянием, был неплох собой, хотя во многом уступал и всегда подчинялся Глебу. Но одно заметила Катя: Антон часто появлялся в их повседневной жизни и всегда с девушкой и всегда с другой. Дважды одну и ту же она не видела, но со всеми этими девушками он был как бы «свой в доску», словно знал их всю жизнь, и они тоже вели себя с ним так же. Весело и красиво жил парень.

Поездка в Таганрог оказалась на редкость приятной для Кати. Её опасения и волнения по поводу встречи с родителями будущего мужа оказались напрасными. Приняли её тепло, как говорят, радушно, именно с радостью на душе и именно потому, что родители Глеба, уже не молодые люди, давно мечтали о семье, которую создаст сын, гораздо больше мечтали и думали об этом, чем он сам, правда, до недавнего времени, и поэтому когда Глеб заявился к ним без предупреждения да ещё с хорошенькой девушкой, чего раньше никогда не было, да ещё представил её: «Моя жена Катя», – мать заплакала сразу. А отец как-то затоптался на месте в нерешительности и вдруг начал обнимать и целовать Катю прямо на пороге квартиры. А потом они оба суетились, радовались, светились, не знали чем угодить невестке. Весь вид их так и кричал: «Свершилось, свершилось!» Мама, когда стелила им постель, сложила полотенца в виде большого и маленького сердечка. А отец утром, пока ещё все спали, сходил куда-то и принёс невестке пять красных как огонь, на длинной ножке и пахучих роз и был настолько доволен своим поступком, что аж прослезился. Катя забрала цветы домой. Почти сутки они сидели за столом: ели, пили, говорили и говорили. Катя очень завидовала в этот день Глебу, тому, что у него есть родители. Насколько бы другой, совсем другой была бы её жизнь, если бы у неё тоже были папа и мама!

– Хорошая машина, ещё свежая и не дорого, по-моему, а? – сказал отец, рассматривая Антонову «Ладу» со всех сторон, даже под днище заглянул и покрутил что-то в моторе.

– Мы с матерью решили, что денег тебе на неё дадим, вернее, вам, – он улыбнулся, посмотрев на Катю. – Вам они нужнее, так что покупайте и радуйтесь.

А Глеб смущенно как-то отвернулся и не сказал ни слова благодарности. И только уже по пути назад, в Ростов, у них с Катей состоялся первый разговор на финансовую тему. Теперь они уже точно перешли из категории «жених и невеста» в категорию «муж и жена».

– Ты не думай, пожалуйста, что я папенькин и маменькин сыночек, – начал он почти дрожащим голосом.

– А я и не думаю Глеб, я была бы самой счастливой на свете, если бы и у меня были вот такие родители. Я искренне, искренне тебе завидую, – и в подтверждение искренности своих слов погрузила свой носик в бутоны красных роз, подаренных Глебовым отцом, которые она так и держала в руках всю дорогу.

– Нет, нет, ты послушай. Ещё с института я принципиально веду самостоятельную жизнь, то есть зарабатываю на себя сам и, должен тебе сказать, что у меня самого есть деньги, чтобы купить машину, эту или другую. Даже в очереди на заводе стою, но там до пенсии ждать. Но раз отец сказал, значит, он так и сделает, хотя я испытал некоторую неловкость от его слов… при тебе. Но я рад его предложению и ни за что не откажусь, чисто из корыстных побуждений, – он хитро улыбнулся, явно шутя, – и чтобы, конечно, отца и маму не обидеть. Слово «мама» он всегда произносил по-особенному, не так как другие люди. В те годы нечасто говорили слово «Бог», но именно так, как мы сейчас произносим слово «Бог», так в восьмидесятые Глеб говорил слово «мама», и Катя, для которой слова Бог и мама были едины, потому что она была уверена, что её мама сейчас рядом с Богом, только за те чувства, которые и Глеб вкладывал в слово «мама», признавала его за родную душу.

Катя

Прошел Первомай, отметили День Победы и вовсю начали готовиться к свадьбе. Катя чувствовала себя хорошо, ничего не болело, «гвоздь», казалось, навсегда покинул её.. Но вот однажды утром, когда луч солнца опять проник сквозь неприкрытые шторы и разбудил её, коснувшись только лица, появилась сильная тошнота, и когда она умывалась, её вырвало. Перепуганный Глеб вбежал в ванную и уже хотел хватать её на руки и тащить чуть ли не в больницу.

– Отпусти, мне уже хорошо, просто нужно опять сходить к гинекологу…

– Поздравляю вас, дорогуша, теперь вы точно беременны, не приблизительно, не чуть-чуть, а точно на все сто процентов, – торжественно произнёс доктор, наверное, давно уже заученную фразу, но Кате стало так приятно и так радостно, она уже не боялась ни кресла-монстра, ни мужчины-врача. Застегивая на ходу кофточку, выскочила в корридор обрадовать Глеба, абсолютно не обращая внимания на качавшего головой доктора, уже погрузившегося в писанину. Вернулись они в кабинет вдвоем с Глебом, довольные как слоны при купании. И выслушав все советы и рекомендации и даже расписавшись в чем-то, Катя сто раз сказала доктору «спасибо», а тот, улыбаясь, отшутился:

– А мне-то за что, это вот его благодарите, – он кивнул в сторону Глеба, явно довольный своей, наверное, тоже уже в сотый раз сказанной шуткой.

Катя

– А теперь пойдем к невропатологу, – Глеб взял под руку сияющую от счастья Катю.

– Ну, Глеб, я же чувствую себя хорошо, и теперь всё понятно: во всем виновата, нет всему причиной беременность и та закрытая травма, ведь мы разобрались, и таблетки я пропила все. Давай не пойдём, не будем испытывать судьбу, – Катя, как ребёнок папу, упрашивала Глеба и тот почти согласился. Но тот факт, что он договаривался о первой консультации с невропатологом через главного инженера завода, и врач принял их тогда очень любезно и очень внимательно отнёсся к Катиной проблеме и назначил обследование, не позволял пренебречь этой возможностью. И что на рентген снимке, они до сих пор не знают. Все это вернуло его к реальности, и он взял Катю за руку и повёл к кабинету невропатолога. Как ни странно, но попали они на прием быстро и даже без номерка. Доктор узнал Катю и Глеба сразу, будто он давно ждал их появления:

– Здравствуйте, здравствуйте. О, какая вы сегодня красивая и счастливая! Сразу видно, что опасения за ваше здоровье пока неуместны, – он улыбнулся Кате и поздоровался с Глебом за руку, достал с полки карточку, в которой заложен был рентген снимок.

– К сожалению, рентген мозга на современном уровне развития медицины пока особых результатов не дает, но по вашему снимку видно одно точно, что кости целы и опухолей в них нет, а сама мозговая ткань дифференцируется, изображается на рентген снимках плохо, но об этом позже. Что вас сейчас беспокоит? – он обратился к Кате и вид у него теперь был серьёзный.

– Я беременна! – с восторгом заявила Катя, как бы утверждая, что всё, что было с ней, связано именно с этим.

– Отлично, – ответил доктор, – Поздравляю. Но я всё же осмотрю вас. Пожалуйста, встаньте вот сюда, на середину кабинета, – и он начал исследование её нервной системы, заставляя Катю, то закрывать, то открывать глаза, касаться носа кончиком пальца вытянутых вперёд рук с закрытыми и открытыми глазами, потом усадил её и стучал резиновым молоточком по коленкам, царапал по рукам и ногам иголкой….Затем всё подробно записывал и, наконец, сказал:

– Вот теперь всё, можете идти и рожать спокойно. Если что, мы вас пригласим, – и проводил их обоих до двери.

– Да, Глеб Сергеевич, и у меня есть вопрос, чисто технический, про мою машину. Можно вас задержать на секундочку? Катенька, подождите за дверью, пожалуйста.

Довольная Катя вышла за дверь и села в кресло в коридоре, мечты её были о будущем ребёнке…

– Глеб Сергеевич, не всё так просто с вашей женой, как я сказал. А машины у меня ещё нет. Конечно, беременность – это отлично, но, пожалуйста, расскажите поподробнее о её поведении, о жалобах в последнее время – может, было что-то странное, необычное?

И Глеб, несколько напуганный ситуацией, рассказал всё: и о «гвозде», и о Пушкине с Лермонтовым, и о родителях, и о тошнотах и рвоте, и о свадьбе 22 мая.

Доктор слушал, и вид его менялся, он становился серьёзней и мрачней.

– На данный момент по сведениям, что у нас есть, – он указал на рентгеновский снимок, – и по тому, что я определил сегодня при осмотре, и диагноз-то поставить пока нельзя. Но у меня есть подозрение, что в мозгу у Кати не всё в порядке: есть, наверное, небольшая гематома, кровоподтёк после того удара об лёд, который до сих пор не рассосался и несколько сдавливает мозг в области затылка, поэтому я рекомендую вам проконсультироваться в онкоинституте у специалиста по болезням мозга. Вот направление, – и он быстро заполнил бланк и передал Глебу и, пожалуйста, не затягивайте с этим, даже несмотря на свадьбу.

А до свадьбы оставалась неделя. И платья ещё не было.

Выйдя из кабинета, Глеб ничего не сказал пока Кате, но в этот же вечер после работы он поехал в онкоинститут и записался на прием к врачу, долго объясняя в регистратуре, почему он один, без больной, но всё же попал в кабинет к нейрохирургу. Врач прочитал направление из медсанчасти завода, особенно его заинтересовал диагноз, написанный по-латыни, задавал вопросы и про «гвоздь», и про видения, но ответил Глебу одно: нужно видеть больную, и чем скорее, тем лучше… А вечером приехала Настя…

Катя, Настя, Глеб и платье

Приближалось 22 мая. Настя приехала заранее, чтобы помочь выбрать и купить свадебное платье, а такое платье в начале восьмидесятых можно было купить только в специализированных магазинах при дворцах «Счастья» – так тогда назывались учереждения, где и проводились свадебные торжества. Но объехав все салоны города, Настя ничего не подобрала, а Кате казалось, что свадебное платье должно быть просто белым и длинным. Настя стала настойчиво предлагать посетить комиссионные магазины, но Катя никак не хотела надевать уже ношеное платье. Глеб молча крутил руль, ещё наслаждаясь управлением теперь уже личной машиной, кстати, тоже не новой, а купленной у Антона, тоже через комиссионный автомагазин, но говорить об этом Кате он не хотел, потому как тоже желал, чтобы у его невесты было новое, самое красивое платье. И тут он вспомнил о своей давней знакомой, бывшей подружке, которая как раз и занималась во времена развивающегося подпольного бизнеса пошивом женской одежды. Спорящим сёстрам он, немного слукавив, сказал:

– У моего коллеги жена шьет женские платья, неофициально, правда, даже подпольно, на дому. Можно поговорить с ней. Он полез во внутренний карман пиджака, в котором у деловых мужчин того времени и должны были лежать портмоне с деньгами и маленькая записная книжка с обязательной алфавитной нумерацией страниц, где и были записаны номера телефонов. С деловым видом листая страницы, Глеб, не без гордости, наблюдал в зеркало заднего вида, как обе сестры с выражением последней надежды следили за его действиями… Номер, адрес и имя были найдены. Теперь нужно было найти телефон-автомат, да ещё работающий, не испорченный хулиганами. Положив блокнот в раскрытом виде на соседнее сиденье, Глеб стал медленно ехать по улице, разыскивая телефонную будку. А Настя уже открывала свою сумочку, доставала из неё кошелёк и, не найдя в нём двухкопеечную монету, необходимую для звонка, чуть не заплакала, словно из-за этого могла расстроиться и сама свадьба. Катя тоже стала рыться в кошельке и не нашла монетки. Глеб в зеркало с удовольствием наблюдал, как изменялось выражение их лиц: от надежды к отчаянию.

– У меня всё под контролем, – опять с важностью заявил он, открывая автомобильную пепельницу, полностью заполненную двушками, трюшками и копейками, столь необходимыми в те времена для телефонов и питья воды из автоматов. Телефон отыскался не быстро, порядком потрепав нервы особенно впечатлительной Насте, Катя как-то более спокойно относилась к происходящему спектаклю под названием свадьба, чем её эмоциональная сестра, аромат духов которой заполнил машину изнутри и шлейфом тянулся сзади.

Глеб вышел из машины и направился к автомату – звонить. Конечно, в присутствии Кати ему было бы неловко звонить своей бывшей и, может быть, именно поэтому Катя осталась в машине и удержала уже рвущуюся получить первой столь важную информацию Настю:

– Насть, неужели тебе не ясно, что это его Бывшая, пусть сам с ней и общается.

– Какая Бывшая? – не поняла сразу Настя.

– Бывшая – это бывшая, не имя прилагательное, а имя существительное. Поняла? То есть существовала в его жизни в прошлом. И ничья она не жена. Просто Бывшая.

– А… – понимающе протянула Настя, плотно сжав свои губки, но ничего не поняла, потому что в её семье все были настоящими, тоже существительными, и Бывших, конечно, не было ни у Насти, ни у Олега.

Глеб оживлённо говорил по телефону, жестикулируя руками и головой, и говорил довольно долго.

– Мы можем ехать прямо сейчас, – сказал он вернувшись в машину, – повезло: она как раз дома, работает над нарядами, и мужа ещё нет с работы.

– Вот бы тебе «пообщаться», – хитро сказала Катя, – хотя я принимаю, что у тебя были женщины до меня и принимаю, что мне всю жизнь придётся соперничать с бывшими, а соперничество – это же конкуренция. Так что всегда нужно будет быть в форме и здравом уме, а то увести могут, – это уже Насте сказала она, весело с шуткой, показывая свои белые зубики.

Глеб только вздохнул и промолчал. Ему очень нравилась Катя, всё больше и больше, лёгкость, некоторая ирония, с которой она относилась к жизни, не могла не завораживать. Этим, так же как своими тринадцатью веснушками, она и отличалась от других женщин…

Татьяна Сергеевна, как представилась хозяйка довольно уютно обставленной трехкомнатной квартиры, была ещё молода и свежа, лет тридцати-тридцати двух и встречала она гостей не в модном халатике, как было принято в те годы, а в строгом дамском костюме, как бы сейчас сказали, деловом, с дорогой брошью в пышных начёсанных волосах и туфлях на высоком каблуке. Она не скрывала удовольствия видеть Глеба, но вела себя сдержанно и корректно.

– Мы были с Глебом знакомыми когда-то, уже давно, Бывшие, так сказать, – ни один мускул не дрогнул на её лице, глаза смотрели отрешенно и безразлично, но она явно не стыдилась, что была Бывшей у Глеба.

– Так вот какова твоя избранница, – обратилась она уже к Глебу, – завидую, красивая… Но давайте к делу, а то мне ещё мужу ужин готовить, – она рукой пригласила их в маленькую комнатку, которая была и её мастерской, и примерочной, и складом, и дизайнерской сразу. Достав из шкафа с тканями большой альбом с рисунками, она усадила гостей на маленький диванчик и открыла первую страницу. Эскиз платья был нарисован ею самой и удивлял своей оригинальностью, красотой и полётом воображения автора. Это было платье без плеч, с короткими рукавчиками, сшитыми из изящных кружев и исходящими прямо из блузы. Длинная до пола юбка спереди изгибалась кверху красивыми складками, оголяя ногу до колена и даже, наверное, чуть выше, где прикреплялся бант. Другой бант, ажурный, в стиле кружев на рукавчиках, прикреплялся на груди у сердца, приталенная в поясе и суженная у пола, она расширялась у колен, создавая модный тогда эффект банана. Рядом были нарисованы перчатки, короткие, скрывающие только кисти. А с другой стороны от платья были нарисованы эскизы нескольких пар туфелек на высоких каблуках с пряжками и без, а также фата, почему-то одна, но как-то очень подходившая, вернее, исходившая из эскиза самого платья. Сестры долго смотрели на этот рисунок, затем перевернули несколько страниц, уже без интереса рассматривая другие эскизы, и вернулись опять на первую страницу, где внизу маленькими буковками было написано: композиция Катенька. Прочитав это, Катя подняла голову от рисунка на автора:

– Вот это мне очень нравится. Как вы думаете, подойдет мне такое платье?

– Конечно, это будет прекрасная работа. Открытые плечи и шея потребуют украшений, а пряжка на туфлях должна быть в тон этим украшениям, – это она говорила уже повернувшись к Глебу, – туфельки, правда, придётся искать в другом месте, но я бы советовала вот такой стиль, – и она указала на рисунок. – Ну а вуалетку к фате я сделаю в крупную сетку, чтобы ваши очаровательные веснушки были заметны сквозь неё, были чем-то вроде восклицательного знака, завершающего композицию. И ткань должна быть атласной, не такой как в современных магазинах, с некоторым тонким отливом, даже синевой, я бы сказала, именно о такой я думала, делая этот эскиз, – она опять открыла дверцу шкафа, где на полках лежали образцы белой ткани. – Вот этот или этот, – Татьяна Сергеевна показала гостям рулоны тканей.

– Вот этот – действительно, чуть с голубизной, под цвет твоих глаз, – сказал уже Глеб. – Как тебе? Мне нравится.

– Да на твой вкус можно положиться, – двусмысленно сказала Татьяна Сергеевна, – цвет действительно подходит. У Кати тонкие руки, ещё как бы детские, они будут прекрасно смотреться с коротким рукавчиком. Шейка —тонкая изящная, не длинная и не короткая, красивая, – Татьяна Сергеевна теперь уже примеряла Катю под свою композицию… – и ножки, – окинув взглядом Катины ноги, даже скрытые под складчатой юбкой, откуда видны были только

голени и стопы, – лучше слева сделать вырез, эффектнее будут выделяться и колено, и чуть – чуть бедро Только нужны хорошие колготки, такие… такие дэн тридцать, не белые, а почти цвета кожи, и перчатки, – она опять полезла в шкаф, достала коробку и стала перебирать в ней перчатки, уложенные в целлофановые пакеты, – вот эти, – протянула Кате пакет, – примерьте.

Катя надела перчатки. Они точно подошли к руке, словно вторая кожа, только белая и мягкая, покрыли пальчики, но были до середины предплечья, как бы удлиняя и без того стройные руки.

– А неплохо, даже лучше, чем в коротких. Поднимите руку вот так, словно даете поцеловать пальчик вот этому человеку, – она указала на Глеба.

Катя с некоторым кокетством протянула руку, перепрогнув её в локте и слегка согнув кисть, поднесла её к лицу Глеба… Ручка эта, укрытая в белой перчатке, сама призывала поцелуй, и Глеб приник губами к пальчику, нежно поддерживая руку за ладонь, и застыл.

– Да, вот так бы всю жизнь… Мой-то давно мне уже руку не целовал, – вздохнула Татьяна Сергеевна, взяла со стола сантиметр и стала делать измерения пропорций Катиного тела.

– Длина будет на два сантиметра от пола, чтобы туфли и особенно пряжки выглядывали при ходьбе. Глеб, я позвоню своей знакомой Наташе, она достанет нужные туфли, хорошо?

Глеб кивнул в знак согласия. Татьяна Сергеевна тут же подошла к телефону и весьма профессионально объяснила той самой Наташе, что ей, вернее, Кате, нужно.

– Завтра всё будет, – она уже записывала адрес и телефон на листке бумаги для Глеба. – Работа займёт два дня, не больше. Завтра, в пять вечера, сделаем примерку, а через день всё подгоним и закончим Но, Глеб, туфли и украшения уже должны быть завтра.

Глеб ещё не успел дать согласие, как зазвонил звонок входной двери.

– Вот и муж пришел, а ужина ещё-то и нет. Вот, Катя, какая он, а семейная жизнь: как снимешь белое платье, больше уже не наденешь, разве что передник купишь белый для кухни.

Муж оказался тоже давним знакомым Глеба, звали его Петя, весьма приятной наружности, седоват уже, лет под сорок, но ещё стройный, весьма красивый. Он очень внимательно рассматривал Катю, даже в шутку попросил повернуться и, как бы оценив, сделал заключение:

– Очень красивая, но для тебя, старик, слишком хороша, ведь испортишь такую красоту. Я, как давний семьянин, – он обратился ко всем и только теперь заметил Настю, умолк и сглотнул слюну, не отрывая глаз от смутившейся Насти, продолжил: – А эта ещё лучше. Где ты находишь их, таких женщин? Да, как семьянин, я скажу, что жёны, дети, дачи, курорты, – всё это очень хорошо и приятно, но для этого всего нужны деньги, – он вздохнул глубоко, – и деньги немалые.

Из кухни доносился вкусный запах, стук тарелок. …На Галине Сергеевне был уже белый передник.

Прощаясь, договорились, что завтра, во время примерки, поговорят обязательно подольше, всё вспомнят, обсудят, даже выпьют. Но деловые люди уже тогда начали свой бег к богатству, навряд ли они поговорят, обсудят и даже выпьют… может опять перекинутся парой слов, вспомнив, что кроме работы в этой жизни есть ещё женщины, была молодость и будет старость…

Вообще-то, в последние дни Глебу с Катей везло: и туфельки, белые, белые, на высокой шпильке, и золотую цепочку, весьма не тонкую с кулоном, всё под цвет веснушек, и сумочку и много чего другого, так трудно доставаемого тогда, «достали» быстро и примерка прошла успешно, правда Петя так и не появился. А через день была выставка невест, вернее, одной невесты: Катя примеряла перед свадьбой в последний раз всю композицию: широко открытые худенькие, плечи, маленькие ажурные рукавчики из которых тонкие, ещё детские руки Кати опускались изящно вдоль тела, кисти укрытые мягкими перчатками с кольцом с голубым камнем на левой руке, лиф, наполовину прикрывавший и наполовину открывавший развитую грудь, кулон со знаком зодиака находился там, где и должен был быть – между грудей,

чуть выше, тонкая шея вокруг которой, почти оранжевая цепочка опускалась вниз, удерживая кулон. С легким голубым отливом, платье, извивалось по телу, подчеркивая всю фигуру, удачно расширяясь в области колен и слегка сужаясь опять, над стопами, так что левая ножка не выглядывала в разрез платья среди складок, а платье само расширяясь показывало эту ножку. Высокий каблук, желтая пряжка на ремешке, маленькие ножки попеременно выступали вперёд, когда Катя прохаживалась по мастерской, демонстрируя и себя и платье. Из под вуалетки фаты, сквозь довольно заметные щели в сетке отливали голубые, блестящие, аж влажные глаза и блистали оранжевые веснушки. Сама фата то ли прикрывала то ли открывала и плечи и грудь и кулон и кудри волос на спине.

Глебу купили, наконец, красивый темно-синий костюм в магазина при «Дворце Счастья», ну а туфли у него всегда были идеальными. Оставлось только пожениться…

Катя

За сутки до свадьбы, утром двадцать первого числа, Кате стало плохо. Проснулась она рано, от сильной головной боли, тот «гвоздь» опять впился в затылок и кто-то продолжал стучать молотком по этому «гвоздю». Катя свернулась клубочком, повернувшись на бок, и пыталась, прикрывшись подушкой, унять боль, но боль не проходила. Терпев, терпев, Катя стала даже постанывать при каждом ударе «молотка «и при каждом ударе сердца и вдруг ещё страшная тошнота подкатилась к горлу, вспыхнув пожаром в животе. Потерпев ещё немного, она всё таки встала и поплелась в ванную комнату. Глеб крепко спал, а утренний луч, как всегда проник через неплотно сведённые шторы и распластался на подушке подбираясь ко лбу Глеба.

Он зашевелил губами, свернулся ещё больше и опять глубоко и спокойно задышал. Катя решила сдвинуть шторы и направилась к окну. Молоток всё ещё стучал внутри и уже, подняв руки к краю шторы, через боль, через, все её слабые силы она потянула одну из них и новый удар оказался таким сильным, что луч света вдруг исчез совсем и комната опять погрузилась в темноту ночи. Катя даже испугаться не успела. Словно выключили свет и, ожидая пока глаза вот-вот привыкнут, она застыла на месте. Но глаза не привыкали, а свет никто не включал, и ей стало страшно, она поняла, что это она перестала видеть! На ощупь она развернулась назад к арке в стене, но, зацепившись за край стола сдвинутого на ночь к стене, с грохотом упала прямо на этот столик,… и «гвоздь» и темнота и всё остальное исчезло внезапно, только Пушкин, что-то говорил, стоя в проеме арки и опёршись плечом об стену.

Глеб вскочил от шума, Настя появилась из кухни, где у неё была своя лежанка, а луч освещал теперь своим отражением от подушки почти всю комнату нясным ещё светом, меж створок шкафа с половинкой зеркала торчал кончик бело-голубого свадебного платья… Глеб аккуратно, как спящего ребёнка, взял Катю на руки и перенёс на диванчик. Она была без сознания или в сознании, потому что как-то непонятно смотрела на него, то широко раскрывая, то прищуривая глаза, словно ничего не понимала и тут конвульсии рвоты стали изгибать её тело, но вырвать она не смогла и, прекратив эти попытки, вдруг, прошептала:

– Мама, где же ты столько лет была?

Перепуганная Настя уже несла мокрое полотенце, чтобы положить на взмокший Катин лоб. Прошло минут пятнадцать, но Катя так и не пришла в сознание и Глеб вызвал «скорую». Катя пыталась что-то говорить, но звуки состояли из обрывков слов или из двух половинок разных слов вообще непонятных для слуха. Только постоянно прищуренные глаза, словно, пытались понять, где она находится и рассмотреть, что было вокруг….

Скорая приехала минут через десять. Измерили давление на обеих руках, врач рассматривал глаза, зрачки, пытался заговорить с Катей, но кроме бессвязных звуков, невнятных слов, Катя ничего не произносила. Врач задавал какие-то вопросы сразу и Кате и Глебу, спрашивал не было ли накануне травмы головы. Глеб опять рассказал, что травма головы была два месяца назад, но сознания она не теряла, а вот голова иногда сильно болит, что Катя беременна, пять недель, и что уже несколько раз её осматривал невропатолог и что у них есть направление на прием к нейрохирургу онкоинситута на двадцать третье мая и что завтра у них свадьба.

Врач, приехавший на «скорой «» больше слушал всё знающего Глеба, чем говорил сам. Сидя на кресле и запрокинув ногу на ногу, он был сосредоточен, усиленно думал, периодически поглядывая на пребывающую в бессознании Катю. Наконец, приняв решение он сказал:

– Мы госпитализируем вашу Катю в больницу, в БСМП, нужно быстро и серьёзно обследовать, нужен новый рентген снимок, осмотр невропатолога. Нужен диагноз, а его пока нет. Не так ли? Закрытая черепно – мозговая травма так не протекает, чтобы через два месяца вот такое получилось. В общем сейчас есть только вопросы, правда, вопросы конкретные уже, но нет на них ответов несите носилки, он дал указания своим ассистентам

– Зачем? – удивился Глеб, – я сам отнесу её куда скажите, на руках. Подождите, подождите, ведь завтра у нас свадьба!…

Глеб

А завтра в одиннадцать часов утра, вместо Дворца «Счастья», Глеб сидел в кабинете у заведующей неврологическим отделением БСМП и слушал её, скорее приговор, чем рассказ:

– Я весьма серьёзно подозреваю, что у Вашей… жены, – она умолкла на мгновение, то ли решая правильно ли она определилась, кто такая Катя для Глеба, то ли взвешивая слова которые собиралась сказать дальше:

– Что у Вашей жены опухоль мозга и, наверное, не доброкачественная. Мы считаем, что Катя сейчас в сознании, но она забыла много слов, не в полнее понимает где она и кто она, но на некоторые вопросы отвечает, правда, смутно, но верно. Мы сегодня переводим, перевозим её в онкоинститут. Именно там смогут поставить правильный диагноз и лечить её. Где-то к 13 часам.

В каком-то тумане, с ватными ногами и пересохшим горлом, Глеб вышел из больницы. Услышанное им ещё полностью не было понято, понимание это только приходило, что случилось что-то страшное и непоправимое. С часу до двух, в состоянии крайнего волнения, и он и Настя и нарядно одетые дети и родители Глеба провели в приемном покое онкоинститута, пока, наконец, из подьехавшей «Скорой» не выкатили носилки с Катей. И она узнала их! Улыбнулась и даже помахала рукой! Облегчение, как благодать Господня, снизошло на всех! Но суровые санитары быстро укатили носилки с Катей вглубь института, и все видели, как Катя следит за отдаляющимися родственниками и улыбается. Дежурный по приёмному покою врач объяснил Глебу, что нужно подождать день-два до первых результатов наблюдения и исследований, а только когда проясниться всё, можно будет поговорить с профессором. Он попросил Глеба оставить номер телефона для связи. Вернувшись домой к Глебу, ещё нарядные, но печальные, даже убитые случившимся, все расселись кто где в маленькой Глебовой квартире и молчали, словно напряженно ждали важной информации, как известий с поля боя.

– Почему смогут лечить её? – первым нарушил тишину сам Глеб, – почему лечить, а не вылечить и почему нужно опять ждать несколько дней, а не активно действовать, спасать Катю уже сейчас, уже вчера.

– Тебе же сказали утром, что она без сознания, а сейчас она узнала нас всех, рукой помахала, – привёл веский довод Отец, – значит уже лечат и весьма успешно а в институт перевели, наверное, потому, что нужна будет операция. Глеб мысли позитивно, не привлекай плохие мысли. Всё будет хорошо

Женщины, с мокрыми глазами, иногда всхлипывали. Настя вообще была в прострации, даже мальчики сидели и держали друг друга за руку, будто так легче было делить беду. Опять все молчали и ждали.

– От наших с вами субъективных переживаний, объективная реальность – состояние Кати не изменится, не улучшится, – опять заговорил Отец, поэтому я предлагаю разъехаться всем по домам и держать связь с Глебом по телефону, а случай чего телеграммой.

– Это в случай чего …телеграммой? – вздрогнул Глеб, в случай…, – он не стал продолжать.

– Ночевать то здесь негде, – перевел Отец, понятную им теперь мысль Глеба, на другую тему. От нашего сидения ей, бедняжке, легче не будет. Часов в семь вечера позвони в отделение,…и нужно искать знакомых, выйти на этого профессора. Ну почему мы не спросили как его фамилия?

Словно было найдено единственное верное решение, Глеб схватил телефонную трубку и стал звонить в приемный покой института, пригласил дежурного врача с которым говорил час назад и спустя минуту уже записывал в свой блокнот фамилии: профессор Мартиросов

Владимир Юрьевич – заведующий клиникой и лечащий врач Попов Игорь Валерьевич, доктор медицинских наук.

Посидев молча ещё немного, все решили разъезжаться по домам. Отец теперь долго звонил на вокзал, узнавая расписание автобусов и в две ходки Глеб отвёз всех на вокзал и в десять вечера вернулся в свою пустую квартиру.

Так прошла свадьба…

Катя

– Не через день-два, а через четыре, у профессора в кабинете состоялся разговор Глеба с самим профессором и лечащим врачом.

Профессор, ещё моложавый, но уже начинающий полнеть, мужчина с белой, совсем белой бородкой клинышком, умными глазами и одухотворённым лицом, оказался человек мягкий, с мягкой речью и такими же мягкими руками. Лечащий врач был примерно того же возраста, но сухой и высокий, тоже носил бородку, кое-где ещё не седую, но говорил быстро, както остро сыпал больше медицинскими терминами и, казалось, нисколько не щадил ни пациентов, ни тем более родственников, резал правду-матку прямо в лицо. Они прекрасно знали, что у Кати в Ростове никого нет и что попала она к ним в день собственной свадьбы и что Глеб – единственный близкий ей человек, поэтому отнеслись к нему с сочувствием и вниманием, пытались как можно доходчивей и понятливей, объяснить состояние Кати.

– Вот на наших рентген снимках заметно смещение, незначительное правда, но всё же смещение структур мозга кпереди в черепной коробке, а вот той «черты», «линии», которая отделяет доброкачественную опухоль от остального мозга нет, не видно. Значит в черепе Вашей невесты растёт в затылочной области злокачественная опухоль, которая злокачественная и есть, потому что не растёт, а прорастает сквозь мозговое вещество, увеличивая его объём, то есть смещая от нормального положения структуры мозга на рентгене и давая клинические проявления, которые уже «манифестируют» о такой первопричине: дикая головная боль, галлюцинации, потеря зрения и памяти. Но уже проведенное лечение, а мы просто сняли пока отёк мозга, обезводили его, образно говоря, чтобы было Вам понятно, то место уменьшили его объём, это начали делать ещё в БСМП и страшные симптомы отступили: Катя в сознании, голова у неё не болит, память и зрение вернулись… – высказавшись, профессор умолк, видя, что Глеб всё правильно понял.

– Пока вернулись, – добавил лечащий врач.

– Да, к сожалению, коллега, наверное, прав. Другого сценария развития заболевания, патогенеза представить нет возможности. Опухоль будет расти, сдавливать мозг, симптомы вернутся и, в конце концов, она может просто раздавить мозг. Я говорю вам прямо, стараюсь говорить на понятном для вас языке. И вы, по-моему, всё понимаете.

Глеб действительно молчал, внимательно слушал и всё понимал, только желваки на щеках напряженно двигались и глаза упёрлись в пол неподвижно.

– Оперировать, – продолжил после некоторой паузы лечащий врач, – то есть полностью иссечь опухоль нельзя, потому что убрать её можно только с тканью мозга, что приведёт к смерти прямо на столе. – Он помолчал и продолжил: – Но есть ещё одно решение, так сказать, единственная надежда – химиотерапия, введение специальных лекарств, которые должны избирательно убивать только раковые клетки или хотя бы сильно затормозить их рост и распространение. Вы знаете, болезнь вашей невесты рано, вернее, даже сказать, вовремя «манифестировала», показала себя, метастазов мы ещё не нашли, поэтому надо быстрее начинать химию. Процесс этот длительный и мучительный, он отравляет, сильно ослабляет весь организм. Ей будет нелегко, и если вы останетесь с ней, ведь она вам ещё не жена, то увидите, во что она превратится. Это вы тоже должны знать и сделать свой выбор. Верифицировать, то есть дать название опухоли, мы тоже не можем пока, это сделать можно только если взять кусочек опухоли и посмотреть его опытным глазом под микроскопом, но и этого сделать невозможно, ведь опухоль спрятана за костями черепа, но мы планируем и стереотаксис… Да, но это уже наши, так сказать, технические проблемы… Катя уже сама подписала согласие на химиотерапию, от вас зависит забота, внимание, ну и, конечно, любовь! На этом пока всё, – Игорь Валерьевич вопросительно взглянул на профессора. Тот только кивнул головой и молча развёл

руками, встал из-за стола и проводил Глеба до двери. Лечащий вышел следом, а профессор остался.

– Я много лет работаю с такими больными, тактика общения с родственниками разная и зависит от каждого конкретного случая, – продолжил на ходу Игорь Валерьевич, – но вам нужно говорить правду, это я чувствую, по опыту. Катя – бесперспективная больная, в лучшем случае – год… Год у неё остался. Это прогноз на сегодняшний день, но завтра он может быть уже другим. Это страшная болезнь, перед которой человечество бессильно. Бессильно пока. Я бы на кол посадил того, кто это с ней сделал. Тех пьяниц… извините, но мне сюда, – Попов показал направо, – а вам туда, там пост, и вас проведут к ней. Пожалуйста, вселяйте в неё веру, надежду и любовь! – и он быстро зашагал дальше по своим делам.

Катя

– Сюда! – сказала пожилая медсестра, проводившая Глеба от сестринского поста до палаты, указывая рукой на закрытую дверь. Повернулась и ушла назад.

Глеб постоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, открыл дверь, заглянул в палату. Палата была большая, но только три койки стояли с одной её стороны. На средней лежала Катя. Глеб сразу её узнал по каштановым волосам, рассыпанным по подушке. Она спала. Глеб, осторожно ступая, вошел. Две другие койки были пустыми, правда, на тумбочке у одной лежали толстая книга и очки. Вторая кровать – аккуратно заправлена. Подойдя к Кате, он остановился возле задней спинки кровати, поправил съехавший набок накинутый ему на плечи медицинский халат. Пахло больницей. В окна радостно светило солнце, через приоткрытую форточку доносилось пение птиц. Там, за этой стеной, жизнь входила в лето и, набирая обороты, утверждала свою власть над всем на этой планете: деревья пошатывались от ветра и шептались между собой, легкие белые облака разбегались от этой власти во все стороны, уступая место летнему свету, проявлявшему эту власть… А перед ним лежала Катя, до шеи укрытая простыней, поверх которой простирались её тонкие детские руки. В локоть левой вколота была игла, и через неё по красной резиновой трубочке, разделённой посередине стеклянным баллончиком, капало лекарство. Венки на кистях были напряжены, и Глеб опять ощутил их упругость, будто прикоснулся к ним только что. Лицо у Кати было бледным, капелька пота просвечивалась сквозь челку на лбу, поперечная складка была разглажена и не заметна сейчас, но Глеб ощутил и эту складку. Глаза закрыты и светлые ресницы двигались чуть-чуть при каждом вдохе. Глеб тут же вспомнил эти глаза, влажные и голубые до синевы, прикрытые вуалеткой фаты тогда во время последней примерки, когда в них были радость и счастье… Тонкие губки растянулись вдоль рта и были чуточку приоткрыты, показывая верхний ряд ровных белых зубиков. Из-под волос, с левой стороны, виднелся краешек желтовато – бледного ушка. Глеб подошел со стороны и нежно завёл волосы за это ушко, открыв его всё. Катя не отреагировала на его прикосновение. И Глеб наклонился и поцеловал её в губы, вернее, только прикоснулся к ним своими губами и тут же увидел большие, голубые, синие глаза, смотрящие не него в упор. Он отпрянул от неожиданности.

– Глаб. Глаб. Глеб! – напрягаясь, пыталась выдавить через щелку между губами слово это Катя. И сказав правильно, наконец, губы её расширились в улыбке, показав оба ряда белых зубиков. А глаза сузились, словно старались разглядеть его лучше.

Глеб тоже заулыбался, глаза его помокрели, а в горле пересохло, и он, смутившись, отвернулся. В углу возле умывальника стоял стул. Глеб взял его и сел возле Кати с другой от капельницы стороны, коснулся пальцем её напряженных венок, погладил их. И Катина кисть от этого прикосновения пошевелилась и перевернулась ладонью вверх, как тогда, в машине, и пальцы их переплелись между собой, а в глазах появились слёзы: у обоих. Так они молча держались за руки, беседуя между собой взглядами.

Пришла медсестра, заменила бутылочку в капельнице, улыбнулась, взглянув на их сплетённые руки, и тихо вышла.

– Я говорил с профессором, – Глеб прервал молчание. – Он уверен, что скоро всё наладится, и ты выздоровеешь. И твой лечащий врач, доктор наук и умнейший мужик, тоже не сомневается в успехе. Просто от того удара у тебя шишка выросла не только снаружи, но и внутри. Все будет хорошо, родная. Как только поправишься, мы наденем на тебя твое белое платье и опять пойдём жениться. Катя заулыбалась, глаза вспыхнули радостным блеском, она попыталась что-то сказать тоже, но губы её не слушались и как бы устыдившись своего неуменя говорить, она ещё крепче прижалась пальчиками к Глебовой руке.

Антон

Вечером того же дня, после беседы с профессором и лечащим врачом, после трогательного свидания с больной Катей в палате, Глебу было тяжело возвращаться домой одному, и он позвонил из автомата Антону. Тот с радостью согласился встретиться. Но Глеб пригласил его к себе, в малосемейку, хотя раньше они встречались и «гудели» в Антоновой роскошной «хате». Антон явился вовремя и один, без очередной девушки, правда, с бутылкой хорошего коньяка. Выпили по рюмочке. Посидели. Угрюмый Глеб молчал. И Антон молчал тоже и налил попять коньяка в рюмочки, но Глеб пить отказался. Тогда Антон заговорил:

– Знаешь, я сегодня слышал притчу, очень хорошую и с большим смыслом: «Когда в дом входит женщина – там становится светло, когда входит мужчина – становится тепло, а когда ребёнок – радостно! Так пусть будет в вашем доме светло, тепло и радостно!» Я слышал, что Катя ещё и беременна. Что будет с ребёнком?

Глеб перебрал в мыслях весь разговор с докторами сегодня, но о беременности речи не было. «Год, бесперспективная» – слышал всё Глеб слова Попова. И если эта химия безопасна для ребенка, то… Глеб вспомнил ту ночь в Вёшках, ночь в комнате «лидера» на Катиной кровати, их мечты о ребёнке, о девочке, о двух девочках, вспомнил, как она сказала, что, когда коньяк в крови, хорошие девочки не получатся, и как потом сама… и что было и как потом… И диагноз, который после случая в церкви поставила Настя. Глеб был там, в недавнем прошлом, глаза его отрешенно смотрели на шкаф, между створок которого так и торчал бело-голубой край Катиного свадебного платья. Он поднялся, разрядив обстановку какого-то напряжения, повисшего между ними, и спрятал платье за дверцу.

У каждого человека много знакомых и приятелей, конечно, но друг, как правило, всегда один, потому что «друзей выбираем мы сами, но лучших оставляет время». Вернувшись к столу, Глеб взял и выпил вторую рюмку, Антон сделал сразу то же.

– Ей предстоит химиотерапия, и я не знаю, как она повлияет на ребёнка, – сказал Глеб, взглянув Антону в лицо, – сегодня о беременности ничего не говорили.

– Послушай, зато я знаю. У беременных женщин есть плацента, через которую ребёнок получает от матери только то, что ему нужно, никакие яды там и другие вредные вещества через неё не проходят, так что и химия эта не пройдёт, и все будет ОК, – он откинулся на спинку диванчика, довольный своим умозаключением. Вообще вид у него был сегодня какой-то счастливый, несмотря на положение Глеба, хотя счастливо он выглядел всегда.

– Знаешь, старик, я должен сообщить тебе одну очень важную и хорошую новость, – продолжил Антон, – для меня хорошую. Машка, ну ты её помнишь, мы недели две как разбежались, я толком-то ещё и не нашел ей замену, так вот, она сегодня пришла ко мне и сказала, что беременна от меня! Понимаешь, от меня! А я-то думал часто, что со мною что-то не так, ведь столько баб… женщин, но ни одна не беременела, а эта вот на тебе, беременна. Причем мы около двух месяцев не вылезали из постели, и чтобы она разыгрывала меня, и думать нечего! – он опять откинулся на спинку дивана. – А почему бы мне и не жениться? Ведь уже почти тридцать. Пора. И от Машки… Маши я в восторге, – поправился он. – Просто, поняв, что начинаю прирастать к ней, врастать в неё всем собой, я и решил сначала расстаться, а теперь очень рад! Глеба, ну порадуйся за меня!

Глеб отошел лицом, порозовел, улыбнулся и налил теперь сам в рюмочки коньяка, подал одну Антону и проговорил с дрожью в голосе:

– Правда, Антон, я очень рад. Может, и у тебя будет двойня? Хочешь двух девочек?

– Знаешь, Глеба, в мой дом приходили разные женщины, и я их коллекционировал, и все они приносили мне свет. А теперь ребёнок! Он принесёт мне радость, и чем больше их будет:

двойня, даже тройня, тем больше будет этой радости. А я уж дам им всем тепло! Не сомневайся!

Глеб

Утром следующего дня, прибыв на работу, Глеб не мог никак сосредоточиться на делах. Все мысли его были там, в институте, в той палате, где лежала сейчас его Катя. Он понимал, что делает всё возможное, всё, что может в этой ситуации, но ведь этого крайне мало. Да, там Катей занимаются самые хорошие врачи, но и этого крайне мало. И, что значат слова «бесперспективная больная» и «остался год»? То есть жить Кате, его Кате, осталось год, а может быть, и меньше? Он встал и начал ходить по кабинету, где стояли ещё несколько столов других сотрудников. Все уже, конечно, всё знали, ведь все были приглашены на свадьбу, и все как-то странно, с видом глубокого сожаления поглядывали на Глеба, но заговорить с ним не решались. Он опять сел и тут вдруг понял, что должен делать. Поднялся и пошел из инженерного корпуса в административный, к директору завода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.